

«И сами, как живые
камни, устройте
из себя дом духовный»

В газете использованы
материалы сайтов sf1.ru и psmb.ru
Статьи публикуются на сайте gazetakifa.ru

5 (207) 12+
апрель 2016

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Одобрено Синодальным информационным
отделом Русской Православной Церкви

С. 5

Карагандинский старец

Исполнилось 50 лет со дня кончины исповедника веры прп. Севастиана Карагандинского. Вспоминают, что многих людей в одном из самых страшных лагерей – Карлаге – он привел к подлинной вере, побеждая злобу, ненависть или отчаяние тех, кто окружал его, своей добротой и любовью

С. 6

Столкновение кругов

Мы заканчиваем публикацию впечатлений участников конференции «Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России» и больших интервью, связанных с темами их выступлений. Надеемся в дальнейшем опубликовать и фрагменты некоторых докладов

С. 7

«Дружба, в отличие от любви, не бывает неразделенной»

О призвании петербургского «независимого культурного движения» 1970-х годов размышляет в своем интервью исполнительный директор Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачёва Александр Кобак

Приложение «Открытая встреча»

В этом номере приложения мы вновь публикуем фрагменты миссионерской Открытой встречи из осеннего цикла 2015 года – на этот раз второй встречи из трех (фрагменты первой встречи были опубликованы в приложении к первому номеру «Кифы» этого года). А еще вспоминаем поэта Николая Гумилёва

Тема номера

Крест и Воскресение

Современный человек перед тайной Креста и Воскресения

Сошествие во ад. Фреска Александра Корноухова в конференц-зале Культурно-просветительского центра «Преображение»

Интервью со священником Георгием Кочетковым

В мае пройдет очередная конференция, посвященная святоотеческой традиции катехизации и современности. Главной ее темой станет керигматическая проповедь о Христе для «слушающих» и «просвещаемых». Это интервью посвящено предстоящему обсуждению.

Один из вопросов, который организаторы конференции по катехизации планируют поставить перед ее участниками, звучит так: «Крест и Воскресение – исторический или метаисторический факт для оглашаемых? Как он относится непосредственно к ним? Ко всем людям?». Вы уже много лет, почти полвека, занимаетесь оглашением. Что, на Ваш взгляд, изменилось в отношении огла-

шаемых и тех людей, кто приходит на миссионерские встречи, к личности Христа и прежде всего – ко Кресту и Воскресению?

Вопрос довольно сложный, потому что людей всегда много, все они разные, и любое обобщение всегда будет приблизительным. Тем не менее какие-то общие черты отметить можно.

В советские времена для большинства людей Христос был просто неведомым Богом. Представление о том, что есть некий Бог, надо верить во Христа, надо верить в Бога, были у них довольно абстрактными, часто лубочными. Так же иконно-лубочно воспринимались крест и воскресение: крест как оберег, как некая таинственная сила, которая может оберегать человека, как символ христи-

анства, а воскресение скорее как радостный праздник Пасхи, крашенные яички, куличи. А по сути дела люди никогда не вдумывались в сам образ Христа, потому что читать Евангелие возможности не было¹, и слышать что-то серьезное о Христе возможности тоже не было². Поэтому осуждать их за такие примитивные представления было трудно. По сути дела никаких представлений о Христе ни у кого не было, за редким исключением немногих высококультурных людей. Но их всегда были единицы. Что тут говорить, это всегда особая категория – просвещенные, глубокие люди, которые сами по себе начинают разбираться, сами читают книги, сами познают какую-то философскую, богословскую сторону христианского учения и жизни.

Окончание на с. 4

Диалог светской культуры и церкви в России XIX–XX веков

Теме, которая когда-то стояла в центре внимания таких исследователей, как о. Сергей Булгаков и о. Александр Шмеман, а сегодня оказалась основательно забыта, была посвящена докторская диссертация Юлии Балакшиной

14 апреля в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена состоялась защита докторской диссертации доцента РГПУ и СФИ Юлии Балакшиной. По итогам защиты 17 из 17 членов диссертационного совета проголосовали за присвоение автору степени доктора филологических наук.

В диссертации исследуется диалог светской культуры и церкви как часть историко-литературного процесса, его исторические этапы и литературные формы. Предметом литературоведческого анализа стали автодокументальные тексты особой жанровой организации, в которых исследуемый диалог не только осуществлялся, но и осмысливался. Среди

них – «Авторская исповедь» Гоголя и его эпистолярное наследие эпохи 1840-х годов; проповеди и письма священников-литераторов Иоанна Егорова и Константина Аггеева из «группы 32-х петербургских священников»; «Дневники» протопресвитера Александра Шмемана.

Автор диссертации выделяет три этапа диалога светской культуры и церкви.

1. 40-е годы XIX века – постановка проблемы: в творчестве Николая Гоголя и славянофилов разрыв между светской культурой и церковью впервые переживается как духовная и культурная проблема, ставится вопрос о возможности и необходимости преодоления возникшей дистанции.

2. Рубеж XIX–XX веков – выход проблемы на уровень общенационального бытия: в дискуссиях рубежа веков вопрос об отношениях церкви, сохранившей свою связь с народной жизнью, и светской культуры, усвоенной образованной частью русского общества, был поставлен как насущный вопрос национальной культуры и национальной истории.

3. 70–80-е годы XX века – разрешение проблемы в личности и творчестве протопресвитера Александра Шмемана: в ситуации крушения в России гуманистического типа культуры и самобытной жизни церкви, перспективы развития диалога оказались связаны с культурой русской эмиграции, богословским и культурным синтезом которой стала личность протопресвитера Александра Шмемана.

Окончание на с. 3

На перекрестках города памяти

Интервью с А.П. Козыревым, зам. декана философского факультета МГУ

Первый вопрос мы задаем всем участникам конференции «Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России». Что Вас лично больше всего затронуло, может быть, удивило?

Меня поразила сама эта усадьба, где создан центр братства, – место, в котором собираются люди одного круга, пускай и достаточно широкого, включающего и тех, кто дружелюбно настроен к этому движению. Я бывал в таких местах на Западе – в Италии, во Франции – именно в домах, принадлежащих общинам, где люди жили, обсуждали какие-то духовные проблемы. Но в России я такое встречаю, честно говоря, первый раз. Конечно, какие-то христианские конференции, проходящие в пансионатах, домах отдыха, – это не новинка, но чтобы было такое место, которое является постоянно действующим центром! Меня порадовали мозаики Александра Корноухова, которого я в свое время встречал в Ватикане в 1997 году, когда он делал там мозаики одной из станц Папского дворца. Мы тогда общались. Я не знал, что здесь он тоже оставил свой след, и когда увидел его работы, это было очень приятно. Это действительно настоящее современное христианское искусство.

Что касается самого обсуждения, то уже до того, как приехать сюда, я видел в программе имена многих людей, известных мне лично или по их работам, трудам, выступлениям. Меня удивила и порадовала композиция этой конференции. Люди подобраны необычно, это действительно пересечение разных кругов. Представлены, во-первых, разные го-

рода – Москва, Петербург, Красноярск; во-вторых – разные круги: и собственно церковные, и университетские, и научные, и общественные. На вечере воспоминаний, который был посвящен научным кругам Москвы и Петербурга, звучали выступления Нины Владимировны Брагинской, Григория Борисовича Гутнера – людей разных поколений, и действительно интересно было услышать о том, какую значительную роль играли неофициальные круги в развитии науки в советское время. Ведь вовсе не стоит представлять, что вся наука была сосредоточена в университетах и в Академии наук. Очень многие вещи создавались, обсуждались, рождались именно в таком неформальном, полудиссидентском общении. Я вспоминаю, как в 1990-е годы приехал на Сен-Женевьев-де-Буа в Париже и встретил там о. Илью Шмаина, который замещал священника, отправившегося в отпуск. Он мне показывал могилу Николая Лосского и рассказывал, что в 1950-е годы на физическом факультете МГУ был кружок, где читали его работы. Кажется, это был 1952 год, еще жив был Сталин. Отец Илья мне сказал тогда: «Я не знаю, как Вы, но я считаю, что Николай Лосский – это самый православный среди русских философов». Я не буду обсуждать этот тезис, но во всяком случае, об этом кружке физиков я тоже услышал на вчерашнем круглом столе.

Многие моменты даже меня заставили вспомнить свою студенческую юность и наши кружки.

Окончание на с. 8

Живое предание

«Буду вам в грядущее призыв»

О подвиге и жизни матери Марии (Скобцовой) вспоминали в Туле

«Буду вам в грядущее призыв» – такой строчкой из стихотворения матери Марии, до пострига известной как Елизавета Юрьевна Скобцова (Кузьмина-Караваева), был озаглавлен вечер ее памяти, прошедший 9 апреля в музее П.Н. Крылова в Туле. Организовали вечер сотрудники музея и члены Иоанно-Предтеченской общины Преображенского братства.

И действительно, образ матери Марии не только напоминает о впечатляющей многогранности людей начала XX века, но и дает сил и вдохновения на подобное делание и в наше время, и в будущем. Как писал о ней ее друг, один из выдающихся философов и мыслителей XX в. Николай Бердяев: «Мать Мария... была новой душой... она была поэт, революционер и религиозный деятель». При этом сам философ отмечал, что эта ее всеохватность вполне укладывается в дух Серебряного века, современником которого была будущая монахиня. Однако в ее пути поражает подлинно христианская цельность, евангельская отдача раз в жизни принятой Правде, что и стало залогом ее мученической кончины 31 марта 1945 г. и последующей канонизации Константинопольским Патриархатом в 2004 г.

Не случайно, что именно в этот день, 9 апреля 1945 г., трагически и славно одновременно закончил свой путь еще один мученик XX в., богослов, пастор и борец с нацизмом Дитрих Бонхёффер. Подлинно, эти люди всем своим подвигом являются живым укором современному человеку с его внутренней раздробленностью, заботой в основном о себе и о своем.

Так вышло, что и место встречи оказалось очень примечательным – музей П.Н. Крылова находится в шаговой доступности от Богородичного Пантелеимонова Щегловского мужского монастыря, где 3 февраля 1895 года был пострижен в монашество будущий митрополит Евлогий (Георгиевский). Владыка в эмиграции был управляющим всеми западноевропейскими русскими церквями, и под его окормлением были все изгнанники из Советской России – Н.А. Бердяев, о. Сергей Булгаков и другие. Была среди них и Елизавета Скобцова, постриг которой впоследствии совершал сам митрополит Евлогий.

Встречу приветственным словом открыла член Иоанно-Предтеченской общины, бакалавр богословия Мария Носкова. Она рассказала о том, что о матери Марии еще до недавнего времени узнавали из косвенных источников, таких как творчество Блока, но удивительно, что сейчас этот интерес не оскудевает и даже растет.

Далее участники встречи посмотрели фильм «Мать Мария. Жизнь и судьба», повествующий о ее пути от дворянки, поэтессы Серебряного века, до монахини, все свои силы отдающей для помощи ближним. Особо запомнились слова о том, что «христианство – хождение по водам», и жизнь матери Марии действительно была таким хождением.

Основной частью вечера памяти стала презентация 1-го тома Полного собрания сочинений матери Марии, которую провела магистр богословия, преподаватель СФИ Лидия Крошкина.

– Первый том собрания сочинений матери Марии носит название «Встречи с Блоком», – отметила она. – И это не случайно: для нее тайна встречи, тайна человекообщения была основной темой всей жизни. Однако тайна эта для нее заключалась в исполнении второй из важнейших заповедей, данных Христом: «Возлюби Господа, Бога Твоего, всем сердцем твоим, и всей душой твоей, и всем разумением твоим. Это самая великая и первая заповедь, а вторая подобна ей: “Возлюби ближнего твоего, как самого себя”». (Мф 22:37–39, пер. С.С. Аверинцева).

Однако для самой матери Марии этот путь любви оказался достаточно тернистым. Еще в 15 лет Лиза

Пиленко (так звали в те годы будущую монахиню) теряет веру в Бога, но обретает веру в народ, характерную для всех «народников», особенно дворянского сословия. Эту веру и любовь к народу она сохранит на всю жизнь. Еще одна грань этих отношений – любовь к Родине, к России, ставшая особенно пронзительной в эмиграции.

Но не получилось у Елизаветы Юрьевны стать революционеркой. Она всю жизнь искала действенной помощи народу и каждому человеку, и она находит, что помочь им может только Сам Христос. Здесь мы видим одну из ее характерных черт – практичность, желание воплощения в жизнь того светлого и высокого, что в ней есть. Этот путь она называет «охристовление жизни». Какое-то время она молит о том, чтобы Христос открылся ей, дал о себе знать. В итоге она пробивает себе дорогу к учебе в духовной академии, в те годы, когда женщинам был закрыт путь к богословскому образованию. Она занимается по десять часов в сутки. Опять же, это очень характерно для нее – во всем не быть дилетантом, но добиваться необходимо-го качества во всяком деле.

Таким образом Лиза готовится к своему будущему служению в эмиграции и мученической кончине как венцу, некоему исполнению ее жертвенной любви к человеку. Но перед тем, как ей выйти на путь своего служения, в ее жизни случается еще одна трагедия – смерть младшей дочери Настеньки. Плодом сильнейших переживаний становится новое чувство – «чувство всеобщего материнства» как сострадания каждому человеку. Даже тому, кто может сам предать – как делали те проститутки, которых м. Мария приводила домой.

Именно на волне этого чувства Елизавета Юрьевна принимает постриг и становится матерью Марией. В своих стихах она акцентирует, что ее путь – не подражание прп. Марии Египетской, отшельницы, порвавшей связь с миром, но подражание Богородице, которой было сказано: «...и Тебе Самой душу рассечет меч» (Лк 2:35). Дева Мария становится таким примером всеобщего материнства, переживающего муку каждого человека. Поэтому и для м. Марии ее постриг был началом не пути уединения, но служения ближнему в его страданиях, монашества в миру, в гуще мировых событий.

Тогда же в мировоззрении матери Марии оформилось особое переживание слов Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15:13). Душа здесь для матери Марии – не просто жизнь, но все силы, умение, способности человека. Это путь самоотречения, отдачи всех своих внутренних богатств ради ближнего. В свете этого ей по-новому открывается русская культура – особенно творчество Достоевского – как почва для аскезы человекообщения. Само христианство мать Мария понимала как жизнь в абсолютной общности друг со другом.

Все эти новые чувства вкупе с теми страданиями, которые переносили русские эмигранты, стали стимулом для рождения объединения «Православное дело», в которое входили те, кто разделял с матерью Марией ее взгляды на христианство и служение христиан миру. Помимо благотворительного центра, «Православное дело» стало культурным центром, местом собрания тех, кому были дороги культурное и духовное наследие досоветской России. Таким образом, мы видим, что одной из основных забот движения была не только материальная поддержка эмигрантов, но и забота о глубинных основаниях человека, восстановление его достоинства в самом высоком смысле.

Сама мать Мария, несмотря на свои многочисленные труды в помощи бедным, успевала при этом писать статьи на богословские и другие темы, стихи и прозу, заниматься вышиванием, участвовать в

съездах и конференциях церковной эмиграции. Как и во всем, здесь она не позволяла себе что-то делать по-дилетантски. Убедиться в этом могли участники вечера, когда в конце презентации был организован просмотр снимков нескольких работ матери Марии.

Как вспоминали современники, «мать Мария несла с собой огонь, при этом пребывая в мирном духе». Огненный, бескомпромиссный характер ее жизни привел эту святую к мученическому венцу. Существуют разные версии ее гибели, известно только, что это случилось в концлагере Равенсбрюк 31 марта 1945 г. Причиной ареста стало участие матери Марии и ее сподвижников, среди которых были о. Димитрий Клепинин и ее сын Юрий Скобцов, в движении Сопротивления фашистской оккупации, их труды по спасению евреев от нацистов. По воспоминанию очевидцев, в лагере мать Мария продолжала вышивать сподручными средствами, и, несмотря на все лишения, находила силы утешать союзниц: «Не бойся, смерти нет. Я пойду вместе с тобой».

В конце презентации участники вечера задали несколько вопросов, среди которых особо примечателен вопрос о том, как строился день матери Марии. И правда, кажется совершенно невозможным, что ей удавалось столько вместить в свою жизнь, не замыкаясь на себе и не убегая от мира, но, будучи все время в самой гуще событий, выносить из сокровищницы своего сердца столь щедрые дары.

Образ матери Марии поражает своей цельностью, но при этом в нем нет какой-то законченности, завершенности. Огонь, динамичный, но не разрушающий, пасхальное тепло ее творчества и любящего сердца, ее лицо на фотографиях, вышивки и иконы до сих продолжают разговор с нами. А это вселяет надежду в нас, что если мы так же будем жаждать слова и действия Христа в нашей жизни, то дело матери Марии, как и дело всех мучеников и исповедников нашей страны и всех, кто оказался достойным наследником русской святости в XX в., продолжится и в XXI в. и далее.

Виктор Авилов
Сайт Преображенского братства

Осень 1939 года. На улице Лурмель. Слева направо: С.Б. Пиленко, Юра Скобцов, А. Бабаджан, мать Мария, Г.П. Федотов, о. Димитрий Клепинин, К.В. Мочульский. Меньше чем через четыре года приют на улице Лурмель будет разгромлен гестаповцами. Юрий, мать Мария и о. Димитрий будут арестованы и вскоре погибнут.

Издание Преображенского содружества
малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви
(Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

**Подписной индекс
в агентстве Роспечать – 19601**

Над номером работали:

Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр
Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко,
Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева

Учредитель: Культурно-просветительский фонд

«Преображение».

Газета издается с октября 2002 г.

Культурно-просветительский фонд «Преображение».

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать

с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org;

в Москве: в редакции (в настоя-

щее время находится в помещении

СФИ – ул. Покровка, д.29, оф.38);

в Санкт-Петербурге: в киоске

«Предание», тел. +7-963-316-37-81

в Париже: в магазине «YMCA-

Press»: 11, Rue de la Montagne Ste

Genevieve

Телефоны распространителей

Москва:

+7-910-421-64-60

(Анна Гринман),

+7-903-100-93-73

(Денис Кудряшов)

Санкт-Петербург:

+7-963-316-39-81

(Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76

(Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37

(София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-50-35

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-03-91

(Татьяна Благодарева)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-909-551-20-11,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-43-05

(Ольга Кузнецова)

США, Канада: 1-651-210-49-22,

oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных техноло-
гий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907
от 5 октября 2011 г.
Отпечатано в типографии «Бюрок», г. Москва,
ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 29 апреля 2016 г.
Время подписания в печать: по графику – 9.00,
фактическое – 9.00.
Дата выхода в свет 30 апреля 2016 г.

gazetakifa.ru

Новости Свято-Филаретовского института

Диалог светской культуры и церкви в России XIX–XX веков

Теме, которая когда-то стояла в центре внимания таких исследователей, как о. Сергей Булгаков и о. Александр Шмеман, а сегодня оказалась основательно забыта, была посвящена докторская диссертация Юлии Балакшиной

Начало на с. 1

Мы попросили гостей и участников защиты ответить на вопрос: «Считаете ли вы тему диалога светской культуры и церкви нужной и важной?»

Александр Анатольевич Карпов, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы СПбГУ: Я считаю, что это то, что должно изучаться, поскольку эти взаимоотношения – реальность. Действительно, в разных формах все это уходит в глубь истории и продолжается и сегодня. Эта тема очень интересна, а в том, что касается моей собственной научной практики, у меня с этим связан образ Николая Михайловича Языкова, его попытка проповедовать, обличать.

Вы знаете, что на рубеже 1830–1840-х годов идея «новых евангелистов» была очень популярна? Александр Иванов, например, считал, что художники должны быть «новыми евангелистами». Ведь и Гоголевская «Шинель» – об этом. Так что взаимодействие церкви и культуры – вещь абсолютно реальная, достойная изучения как научная проблема.

Петр Евгеньевич Бухаркин, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы СПбГУ, один из официальных оппонентов: Я считаю эту тему, несомненно, очень важной.

Если бы диалога между церковью и культурой не было, наша культура (если говорить о новом времени) была бы совсем лишена христианского начала. И конечно, в работе Юлии Валентиновны были намечены очень важные проблемы, и это позволяет яснее увидеть пути к их решению.

Поздравления от ректора СФИ профессора священника Георгия Кочеткова

От души поздравляю новозащитившуюся Юлию Валентиновну Балакшину, председателя Свято-Петровского братства, доцента нашего института. Ее докторская защита прошла блестяще. Такое единодушие, такой мир на защитах редко можно встретить. И главное, работа открывает новые перспективы, начинает заполнять ту брешь, то поле, которое фактически было белым пятном на протяжении всего XX века. Говорить о реальном общении и взаимопроникновении, взаимной нужде, взаимном творческом процессе церкви и общества было совсем невозможно. И вот наконец-то появляются работы, которые послужат импульсом к дальнейшим исследованиям, что чрезвычайно важно для нашей страны, для нашей церкви, для нашего народа. Тем более, что главным разрешающим тезисом ее диссертации был синтез, базирующийся на христианской антропологии,

Защита оказалась радостным событием не только для соискателя, но и для всех гостей и участников

что имеет дополнительную перспективу. Еще и еще раз поздравляю Юлию Валентиновну и всех, кто ей помог и кто участвовал в защите, которая доставила всем большое духовное и научное удовольствие!

Комментарии записывали Наталья Киселева, Анастасия Наконечная
В материале использована новость с сайта СФИ
Фото: Алёна Каплина

Новости православных братств

Революция – это роскошь

В Екатеринбурге размышляли о том, как видели «русский бунт» 1917 года современники

Пожалуй, многие согласятся, что лучше всего об исторических событиях могут рассказать их очевидцы. И чем больше свидетельств слышишь, тем лучше можно представить себе суть происходящего. Братья и сестры Свято-Екатерининского братства (Екатеринбург) решили попробовать почитать мемуары, дневниковые записи, воспоминания современников революционных событий 1917 года* совместно.

Когда читаешь эти строки, события революции с особой четкостью и остротой встают перед глазами. С одной стороны, видишь обманутые надежды, какие-то непонятные, неадекватные мечты, неожиданную агрессию и стихийный бунт «низов» русского общества, с другой – какую-то неотмирность, растерянность «верхов» и аристократии.

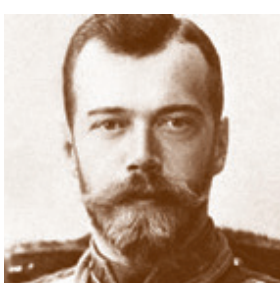
Читая воспоминания и свидетельства, мы пытались понять, что в первую очередь тревожило авторов; на чем акцентировалось их внимание, как они понимали свое место в исторической ситуации; в чем, на их взгляд, проявлялась слабость и растерянность русского общества в тот период; как проявила себя русская аристократия, в чем она видела надежду и выход?

Так, например, Владимир Петрович Аничков, русский банкир и общественный деятель, работник Министерства финансов Всероссийского правительства, в своей книге воспоминаний «Екатеринбург – Владивосток (1917–1922)» пишет об одном из стихийно образовавшихся митингов, в которых он был вынужден деятельно участвовать: «Трудно припомнить и передать, что именно говорилось на том многолюдном митинге, где слово брали ни перед кем не ответственные люди. Почти все они отличались недюжинными ораторскими способностями, большой наглостью и самым беззастенчивым отношением к подтасовке фактов и цифр».

Русский писатель Иван Алексеевич Бунин в январе

1918 г. констатирует: «Кончился этот проклятый год. Что же дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже наверное так».

Историк Михаил Михайлович Богословский, профессор Московского университета, Высших женских курсов и Московской духовной академии, член Российской академии наук, по некоторым оценкам одна из самых заметных фигур в сфере научно-просветительской жизни Москвы первой четверти XX столетия, не мог принять не только Октябрьскую, но и Февральскую революцию. Записи его дневника наполнены критикой деятельности и Государственной думы, и Временного правительства, и большевиков, и церковной иерархии. 4 марта 1917 г. под первым впечатлением об отречении царя, его взволнованная запись о будущем России: «...неотвязчивая тяжелая дума о будущем России все время владела мною и давила меня. Чувствовалось, что что-то давнее, историческое, крупное, умерло безвозвратно. Тревожные мысли приходят и о внешней опасности, грозящей в то время, как мы будем перестраиваться... как бы нам не оказаться не великой, а второстепенной державой, слабой республикой между двумя военными империями, германской и японской». Видна боль историка за свою страну, свой народ.

Император Николай II

«Погулял полчаса. Погода была холодная и ветреная, шел снег. Принял Беляева, Покровского, Щегловитова, полковника Доброжанского и Крейтона, нового командира лейб-гвардии 1-го Стрелкового полка. Завтракала Елена Петровна. Посидел наверху у Ольги и Алексея, которому лучше. Погулял с Татьяной, в 4 ч. принял Танеева, в 6 час. Стаховича и в 9.45 Протопопова. Обедали Аня и Петровский (деж.)».

М.М. Богословский

24-го февраля (в Петрограде началась всеобщая забастовка рабочих): «В 10 пошёл к докладу, который окончился в 12 час. Перед завтраком принес мне от имени бельгийского короля военный крест. Погода была неприятная – метель. Погулял недолго в садике. Читал и писал. Вчера Ольга и Алексей заболели корью, а сегодня Татьяна последовала их примеру». И так далее.

Михаил Михайлович Богословский же в эти дни пишет: «Переворот наш – не политический только, не революция июльская или февральская (здесь он имеет в виду революцию во Франции в июле 1830 г., когда свергли Бурбонов – короля Карла X, и февраля 1848 г., когда свергли короля Луи-Филиппа. – Е.К.). Он захватит и потрясет все области жизни и социальный строй, и экономику, и науку, и искусство, и я предвижу даже религиозную реформацию... Революция роскошь, которую могут позволить себе лишь развитые общества, а не вчерашние рабы».

Иван Алексеевич Бунин в свое время писал: «Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно...» Прошло почти 100 лет. Для нас оно, вероятно, уже должно настать.

Известно, что делать категоричные, особенно обличительные выводы просто. Эти «виноваты», эти «растерялись», эти «струсили», эти «отсиделись», эти «сбежали» и т. д. Но мы пытались думать о своем месте в этом историческом событии. И не в формате «если бы я был там, что бы я сделал?», а в разрезе современного времени. Являемся ли мы сейчас носителями тех духов революции, о которых пишет Николай Александрович Бердяев. Если да, какие они? Ведь дух надо опознать, как говорил один персонаж фильма «Остров»: «Я с этим бесом лично знаком». Как их изживать, что им противопоставлять? Если мы ощущаем себя частью русского народа, то как жить так, чтобы подобной трагедии, катастрофы не повторилось, а именно катастрофой называет революцию Бердяев. Чтобы и из наших уст не прозвучали такие же грустные, наполненные болью потери слова Владимира Петровича Аничкова: «Итак, прощай, Россия!»

И.А. Бунин

Елена Каштанова
Сайт Преображенского братства

* Эти дневники можно прочитать на сайте <http://prozhitto.org>.

Сила и источник нашего возрождения

Из книги епископа Михаила (Грибановского) «Над Евангелием»

Теперь нередко называют ветхозаветным и схоластичным церковное определение тайны нашего спасения в такой формуле: Христос пришел и пострадал, чтобы удовлетворить правде Божией и искупить нас от вечного гнева Божия. Что такое гнев Божий? Что значит «искупить»? Все это находят совсем не согласным с современными нравственными и юридическими понятиями. Хотят просто утверждать, что Христос возлюбил людей и пришел дать им радость и вечное счастье любви. Но, с одной стороны, это не решает вопроса, почему же нужна была такая крайняя мера, как страдание и смерть Сына Божия; а с другой – первая формула гораздо шире и глубже разъясняет дело. Бог пребывает в вечности, и все в Нем вечно. Как Бог Отец Он – вечный разум, вечное сцепление причин и следствий. Все в Его Божественной жизни закономерно, и каждое звено в этой цепи закономерности имеет вечную связь с остальным, вечные следствия себя... Ничто в Боге не изъято из этой логической необходимости и закономерности. И человек, будучи образом и подобием Бога, обьятый и проникнутый Его законом, находится в той же атмосфере вечной разумной необходимости. Каждое его действие неизбежно влечет за собой бесконечный ряд следствий. Вступив на путь удаления от Бога, человек тем самым навеки определил себя, ход своего существования. Начальный шаг определил все остальные шаги по наклонной плоскости бесконечных причин и следствий. Жизнь падшего человека стала процессом постепенного развития зла и неизбежной с ним муки, правосудием, карающим его, мрачным огнем гнева Божия, от власти которого он не имел никакой силы и возможности избавиться. Итак, человеку, в силу именно его богоподобной природы, рассчитанной на вечность, предстояла вечная гибель, т. е. вечный путь к измелчанию, к уничтожению – без надежды, однако, уничтожиться совсем.

Как же можно было спасти человека? Единственно: противопоставив одной бесконечно разветвляющейся цепи причин и следствий другую, столь же бесконечную и ей прямо противоположную, ее нейтрализующую, ее побеждающую... Правосудие Божие неизменно, Его законы неуничтожимы. Раз человек попал на их путь, – он в их вечной власти; но если на пути этого вечного правосудия и смерти ставится сила возрождающая, то, конечно, она будет спасать человека, не изменяя ничуть закономерности Божией; силе правосудия противопоставит сила любви, столь же закономерная и реальная, как и сила правосудия. Это именно и исполнено во Христе. Он, сделавшись человеком, стал на пути человеческого. Мы идем по пути омертвления – Он стал силой и источником нашего возрождения. Эгоизм и злоба людей привели Его на страдания и крест, – но чрез это именно, в этих Его страданиях и смерти, и положено начало Его возрождающей силы. Принимая на себя идущие прямо навстречу Его беззакония и грехи мира, Он противопоставляет их силе Свою силу благодати и вечной жизни, страдая животворит, силой Своего Воскресения побеждает смерть, любовью покрывает правосудие Божие; короче, Собою созидает искупление людей. Он в строгом смысле слова Искупитель мира, так как принимает на Себя всю тяжесть мирового греха и озлобления. Хорошо говорит один современный духовный писатель. «Искупление факт не юридический, но и не субъективно нравственный. Оно есть факт жизненный, т. е. имеющий в своем существе закон жизненного общения личностей и вообще элементов жизни. Потому-то оно и есть тайна. Христос действительно берет на Себя наши грехи и недочеты, но не юридически, т. е. не отвлеченно-формально, и не субъективно-нравственно, т. е. возбуждая Своим примером и нас к добровольному покаянию и страданию, а жизненно, т. е. принимая в свою гармонию все наши грехи, которые мы свободно к Нему повергаем, возмещая их и изглаждая их ею».

Современный человек перед тайной Креста и Воскресения

Интервью со священником Георгием Кочетковым

Начало на с. 1

По существу всё стало меняться, когда Священное писание, и особенно Евангелие, стало общедоступно – с начала или, точнее, с середины 1990-х годов. Вот тут действительно вдруг оказалось, что люди стали читать Писание. Но, как ни странно, их интересовало не столько само Евангелие, сколько всякого рода чудачества или апокрифы, или фантазии, романы (такие как «Код да Винчи»). Каждый апокриф очень многими людьми воспринимался как истина в последней инстанции. Если в советские времена с этим можно было встречаться скорее «в оккультном варианте» (люди, интересовавшиеся оккультными вопросами – а таких всегда был какой-то процент в позднесоветское время – часто в некоем «рерихианском духе» воспринимали Христа как просто одного из учителей мира), то начиная с 1990-х и 2000-х годов очень большим стало влияние вот такого «апокрифического христианства». При этом люди совершенно не понимают, что такое апокрифы и как они соотносятся с каноническими Евангелиями. Но даже и те, кто не интересуется апокрифами, как правило, воспринимают всё очень буквально, просто один к одному. Самая высокая планка здесь – это размышления о том, как пишутся всякие истории, как возникают легенды.

Во все эти в чем-то разные времена очень трудно было говорить людям о Кресте и Воскресении по существу, говорить им о том, что Крест – это не только исторический факт распятия, что в первую очередь Крест и Воскресение для нас – основание нашей веры и именно здесь заключается Новый Завет для всего человечества ради жизни всего мира и каждого из нас. Это воспринимается, конечно, с интересом, но трудно. Люди начинают слушать евангельские тексты, думать, но все-таки сами по себе редко показывают способность глубокого рассуждения и размышления, восприятия Креста Христова и Христова

проф.-свящ. Георгий Кочетков
ПУТЬ КРЕСТА
1993–2007
«Познани»

Один из сборников проповедей о. Георгия

Воскресения. Конечно, мы понимаем, что это духовные тайны, и людей нельзя осуждать за такой позитивизм и «стихийный материализм». Трудно людям менять свою психологию, даже тем, кто родился поздно и уже не видел советской власти. И тем не менее надо до всех людей – и раньше это надо было, и сейчас это надо – доносить именно весть о Кресте и Воскресении и говорить о силе Любви Христовой, которая являет себя и на Кресте, и в Воскресении, о победе Христа, о победе крестной, о победе воскресной, о том, что готовит нас к приятию Духа Святого и к новой жизни во Христе в Царстве Небесном.

Вы говорите об общих, вневременных проблемах. А есть ли какие-нибудь особенности, о которых важно помнить тем, кто занимается миссией и катехизацией сегодня?

Есть один важный момент в современной жизни, который нужно учитывать катехизаторам: сейчас много приходит людей – впрочем, и раньше они частично были, только их было меньше – из других культурных и религиозных слоев общества. Раньше, в советское время, в 1970-е годы, больше приходило людей из евреев. Они, как правило, не воспитывались в религиозной традиции, но все-таки какая-то культурная традиция хоть немного, но передавалась – так же, как у русских передавалась своя. Конечно, секуляризация была предельная и даже запредельная. И все-таки нужно было евреям говорить о Христе прежде всего не просто как об Учителе и не просто как о Пророке, а именно как о Христе, и подтверждать это теми знаменами, которые Господь дает, в том числе знаменем Креста. Для кого-то из них было важно вообще увидеть, что вера во Христа это не что-то антиеврейское. А кого-то смущали мысли, что Иисус чуть ли не плод греха, как это иногда говорят в иудаизме, следуя известным местам Талмуда; однако сейчас это не звучит, я уже много лет с этим не встречался. А вот какие-то мусульманские обертонны сейчас всё больше и больше прослеживаются, что, впрочем, и интересно. Сегодня в Церковь приходит все больше людей из мусульманских культур и народов. И, конечно, приходится учитывать, что у них ко Христу может быть очень почтительное отношение, но все-таки только как к Пророку, пусть даже великому. Нужно сказать, что мусульмане обычно более привержены своей традиции – и народной, и культурной, и религиозной. И если они обращаются к христианской вере, то часто становятся более ревностными, чем люди христианской культуры. Впрочем, это бывало так же и с евреями.

Конечно, большинство людей приходят просто из пустоты, из атеистической среды. Сейчас и народные особенности стерты предельно, очень редко они проявляются всерьез. И если говорить об этом большинстве, приходящем из неверия, важно избегать прежде всего «сказочного» подхода (как в мультфильме, где возможно всё что угодно). Фантазия современного человека позволяет

всё. Люди напичканы псевдочудесами, в которые они одновременно верят и не верят. И вот, на мой взгляд, важно помочь людям избежать этого понимания евангельских чудес как каких-то фокусов или как чего-то, данного нам для расцветивания жизни или для какого-то устрашения. Важно привести их к вере в то, что Крест и Воскресение Христовы – это самая высшая точка в проявлении, выявлении, откровении Любви Христовой, Любви Божественной, которая стоит в центре всей нашей христианской веры и жизни.

Кроме этого вопроса на конференции будет обсуждаться и множество других, связанных с керигматической проповедью. Что Вы хотели бы пожелать участникам конференции? Что может сделать их работу более плодотворной?

Мне кажется, всем нам нужно всегда сохранять доверие и к традиции церковной, и к писаниям отцов. И в то же время нам нужно быть дерзновенными. Надо всегда быть очень внимательными к тому, что являет нам Господь, что Он нам открывает через современную жизнь, через современных людей. И это бывает иногда трудно. Не у всех получается вести катехизацию, даже у священнослужителей, именно потому, что они, скорее, рассказывают, передают свои знания, а не следят за тем откровением Духа, которое происходит во время оглашения и которое касается каждого человека, как катехизирующего, так и катехизируемого. Поэтому я желаю всем участникам конференции вот этого духовного внимания к откровению Божьему, к тому, что говорит нам Господь в наше время через наших близких, призванных к вере, к жизни во Христе и в Духе Святом, в Церкви.

Беседовала Александра Колымагина

¹ Вплоть до начала 1990-х купить Библию в СССР было практически невозможно.

² Проповедь в храмах была негласно запрещена (как минимум не приветствовалась) уполномоченными по делам религий. Лишь в очень немногих храмах проповедь все-таки звучала.

16–18 мая 2016 года Свято-Филаретовский православно-христианский институт проводит очередную конференцию по катехизации

Она продолжит ряд конференций предыдущих лет, посвященных возрождению и творческому применению традиции святоотеческой катехизации в современных условиях церковной жизни. Тема конференции: «Традиция святоотеческой катехизации. Керигматическая проповедь о Христе для “слушающих” и “просвещаемых”». На конференции будут обсуждаться следующие вопросы и проблемы:

- Отношение ко Христу современных оглашаемых;
- Когда оглашаемый должен опреде-

литься в своем отношении ко Христу: на приглашении (миссии)? на первом или втором (основном) этапах катехизации? на таинствоводстве?

- Что значит для оглашаемого уверовать во Христа?
- Что такое «встреча со Христом» для оглашаемого (опасности психологизации, богословских абстракций, сведения к участию в таинствах);
- Каким должно быть свидетельство о Христе во время катехизации (различные керигматического, догматического и

экзистенциально-мистического аспектов);

- Основания для совершения чина отречения от сатаны и сочетания со Христом: знание, доверие старшим или опыт? Если опыт, то какой?
- Крест и Воскресение – исторический или метаисторический факт для оглашаемых? Как он относится непосредственно к ним? Ко всем людям?
- Единство восприятия этапов жизни Спасителя: Рождества/Богоявления – Жизни и Учения – Креста/Воскресения/ Вознесения.

Карагандинский старец

Преподобный Севастиан Карагандинский (в миру – Стефан Васильевич Фомин) родился в 1884 году в крестьянской семье. 3 января 1909 года поступил келейником в скит Оптиной пустыни. В 1917 году пострижен в монахи с именем Севастиан. После официального закрытия Оптиной 10 (23) января 1918 года монастырь продолжал существовать под видом сельскохозяйственной артели. В 1923 году богослужение было полностью прекращено, и власти приступили к выселению монахов. Отец Севастиан находился в то время под духовным окормлением старца Нектария Оптинского.

После кончины старца в 1928 году он приехал в город Козлов, где служил в приходском Ильинском храме вплоть до своего ареста. В Козлове отец Севастиан вел активную борьбу с обновленцами, поддерживал связь с бывшей в рассеянии братией Оптиной пустыни. К нему под его окормление приехали сестры по духу – инокини Шамординского монастыря Феврония, Агриппина, Варвара. В это время в Козлове проживали и другие монахи и монахини из разоренных обителей, а также миряне, посещавшие прежде Оптину пустынь. Это не могло не обратить на себя внимания местных властей.

25 февраля 1933 года отца Севастиана вместе с инокинями Агриппиной, Февронией и Варварой арестовали и отправили в Тамбовское ОГПУ, где они находились под следствием. На допросах следователь выяснял отношение отца Севастиана к советской власти, на что батюшка отвечал: «На все мероприятия советской власти я смотрю, как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей. <...> Нужно молиться, молиться Богу, а также жить в любви, тогда только мы от этого избавимся». Тройкой ПП при ОГПУ по НЧО 2 июня 1933 отец Севастиан был приговорен к 7 годам заключения в исправтрудлагерь.

Отправили его в Тамбовскую область на лесоповал. Некоторые духовные чада, узнав о месте его заключения, поселились неподалеку от лагеря, принимали батюшку передачи, поддерживали его как могли. А через год отец Севастиан был переведен в Карагандинский лагерь, в поселок Долинка, куда он прибыл 26 мая 1934 года.

После освобождения остался в селе Большая Михайловка, под Карагандой, где в домах совершал требы, хотя разрешения на это со стороны властей не имел. В 1955 году было дано разрешение на регистрацию религиозной общины в Большой Михайловке; был построен храм, который освятили в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

В 1964 году, ко дню своего ангела, был награжден архиерейским посохом – награда, примеров не имеющая. 16 апреля 1966 года, за несколько дней до кончины, принял постриг в схиму. Отошел ко Господу 19 апреля 1966 года.

Прославлен в 1997 году как местноч-

тимый святой Алма-Атинской епархии.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года для общецерковного почитания.

Из рассказов о лагерной жизни

Спустя много лет о. Севастиан рассказывал о своем пребывании в Тамбовском ОГПУ: «Было у меня такое испытание: когда меня принуждали отречься от Православной веры, то поставили в одной рясе на всю ночь на мороз и стражу приставили. Стража менялась через каждые два часа, а я бессменно стоял на одном месте. Но Матерь Божия опустила на меня такой “шалашик”, что мне было в нем тепло. А утром меня повели на допрос и говорят: “Коль ты не отрекся от Христа, так иди в тюрьму”».

В последние годы заключения о. Севастиан был расконвоирован и жил в каптерке в третьем отделении лагеря, находящегося близ Долинки. Он возил на быках воду для жителей ЦПО (Центральные промышленные огороды). «Бывало, зимой привезет воду, подойдет к быку и греет об него очоленевшие руки. Ему вынесут и подарят варежки. А на следующий день он опять приезжает без варежек (подарил кому-нибудь или отобрали) и снова греет руки об быка. Одежда на нем старая, драненькая. Когда по ночам батюшка замерзал, он забирался в ясли к скоту и согревался теплом животных. Жители ЦПО давали ему продукты – пироги, сало. Что мог, он кушал, а сало отвозил заключенным в отделение. “В заключении я был, – вспоминал он, – а посты не нарушал. Если дадут баланду какую-нибудь с кусочком мяса, я это не ел, менял на лишнюю пайку хлеба”».

Сестрам Варваре и Февронии, арестованным с о. Севастианом, срок не дали. Сестру Агриппину отправили на Дальний Восток, где через год освободили. Она написала о своем намерении ехать на родину, но о. Севастиан благословил ее немедленно приехать в Караганду. В 1936 году она приехала, получила свидание с ним, и он предложил ей купить домик в районе поселка Большая Михайловка, поближе к Карлагу: поселиться в нем, а к нему ездить каждое воскресенье на попутной, «абы какой машине». Спустя два года в Караганду приехали сестры Феврония и Варвара. На Нижней улице был куплен домик – старенький амбарик с прогнувшимся потолком. Сестры Агриппина и Варвара устроились работать в больнице в Новом городе, а Феврония, как малограмотная, работала в колхозе. Приехали в Караганду и другие монахини: Кира, Марфа и Мария. Они поселились в Тихоновке. Сестры познакомились с верующими и стали потихоньку собираться для совместной молитвы. Узнав, что в Долинке находится о. Севастиан, верующие стали помогать ему. В воскресные дни сестры приезжали к батюшке в отделение. Кроме продуктов и чистого белья, они привозили Св. Дары, поручи, епитрахиль. «Все вместе выходили в лесок, батюшка причащался сам и сестер исповедовал и причащал. Заключенные и лагерное начальство полюбили батюшку. Злобу и вражду побеждали любовь и вера, которые были в его сердце. Многих в лагере он привел к вере в Бога и не просто к вере, а к вере настоящей. И когда батюшка освобождался, у него в зоне были духовные дети, которые по окончании срока ездили к нему в Михайловку. А много лет спустя, когда открылась в Михайловке церковь, жители Долинского отделения ЦПО поехали туда и узнали в благообразном старце-священнике своего водовоза».

Из проповеди

Дочь Иаира умерла, и Господь воскресил ее. Так человек умирает душой. Помыслы греховные, произволение

Исполнилось 50 лет со дня кончины исповедника веры прп. Севастиана Карагандинского

и совершение греха. Тогда благодать отходит и душа умирает. Вот наше нерадение о душе. Не обращаемся к врачу тогда, когда болезнь только началась и легко исцелима. Не обращаемся и в период болезни. А когда уже умерла дочь (душа), тогда обратились к врачу Душ и телес Господу: «Дочь моя умерла». «Не умерла, но спит», – сказал Господь.

Надо с юности своей приносить жертву Господу самим собою, когда находишься во цвете лет, здоровья, чистоты, духа бодрого, а не тогда, когда всего этого лишишься, поработав диаволу.

«Работай дондеже день (жизнь)», – говорит Господь, ибо настанет ночь, то есть старость, смерть, и тогда поздно будет. Так юродивые девы не имели елея, потому что была ночь, когда пришел Жених и купить елея было негде. Они день провели беспечно, нерадиво, и остались их светильники пустыми, и закрылась для них дверь Чертога брачного. Так и мы принесем Господу не хромое, не кривое, не слепое, не гнилое, а здоровое, чистое, первородное. Как пророк говорит: возделывал землю, насаждал ниву, обрабатывал ее, полел, поливал, а когда пришел за плодами, ничего не обрел. Кое-где колос на ниве, кое-где виноград на лозе. Враги Господа пришли, украли и унесли все. Так вот и человек на ниве души своей должен трудиться небесполезно, внимать себе, чтобы не пришли враги: мир, диавол, плоть и смерть, и не обокрали ее. Приходит мир – забирает свое, привлекая богатством, роскошью, честолюбием. Приходит диавол, все последнее уносит: чистоту, целомудрие, невинность, страх Божий. Приходит старость и смерть, человек хочет и сам пожать что-нибудь на ниве своей, и ничего не обретает. Лишь кое-где бывало намерение доброе дело соделать при греховной жизни. И жалеет человек, что прожил жизнь и не приобрел добрых дел для будущей жизни. И смерть пришла, и времени уже нет для покаяния, для слез и молитвы. Особенно опасна нечаянная смерть. А потому не нужно откладывать покаяние и приобретение добрых дел на старости лет, когда уже не будет сил ни телесных, ни душевных. Все врагами будет скрадено, а себе – ничего, пусты светильники. Молиться с любовью к Богу и все дела начинать с молитвы. А без молитвы только суетные дела бывают. В молитве просить исполнения воли Божией и Его заповедей, а не того, чего нам хочется. Любить Бога надо непрестанно и молиться непрестанно. Любить истинно и с верою молиться, и Господь не оставит Своею милостью. «На кого воззрю, как не на кроткого и смиренного сердцем». Уничижать себя, сознавать свое ничтожество перед Господом, Творцом всех и всего. «Если он меня не любит, то и я не буду его любить», – это бесовское слово. Пусть он тебя не любит, а ты победай его ненависть любовью. Любовью истинной и страхом Божиим побеждай страсть ненависти.

Из интервью митр. Павла (ныне митрополита Минского и Заславского, Патриаршего экзарха всея Беларуси) газете «Кифа»:

Ваше Высокопреосвященство, мы знаем, что Вы родились в Караганде, где были крещены св. старцем Севастианом (Фоминим), который прославлен в 1997 году как местночтимый святой, а в 2000 году причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских. Какое из его наставлений запомнилось Вам больше всего?

Я, конечно, не помню, как он меня крестил, поскольку был крещен в младенчестве (с улыбкой). Однако хочу сказать, что в жизни нашей семьи старец Севастиан имел чрезвычайно важное значение. Только благодаря его святым молитвам моя мама осталась

жива после тяжелой операции. Отец Севастиан бывал у нас в доме, всех нас, малышей, благословлял. Старец принимал участие не только в нашей семье, но и в каждом, кто посещал храм: молился, благословлял, наставлял, поучал. Он имел от Бога дары прозорливости, чудотворения и юродства. Множество людей приезжало к нему отовсюду, и никому он не отказывал в помощи. Преподобный старец Севастиан Карагандинский действительно был столп от земли до неба.

Владыка, был ли у старца ближний круг, что это были за люди?

Конечно, вокруг старца Севастиана были люди, которые помогали ему в службе и которых он особо окормлял. Да и не могло быть иначе, ведь даже чисто юридически без «двадцатки» нельзя было организовать приход, открыть храм. Обязательно должна быть община. Надо сказать, что к нему тянулись люди точно так же, как к Христу Спасителю. Люди тянулись к старцу, чувствуя его молитвенную помощь, отеческую ласку, заботу и сострадание. Как во времена жизни на земле Христа Спасителя, кто-то приходил, чтобы послушать Его наставления, прислушивался к Его голосу, к Его проповеди, а кто-то ходил за Ним, как говорил Господь, «потому что ел хлеб и насытился». Так что нет ничего нового под солнцем – так было, есть и будет до скончания века: кто-то будет приходить в храм, чтобы услышать голос Божий, кто-то для того, чтобы утолить жажду духовную, кто-то для того, чтобы принести свою печаль и скорбь и испросить помощи Божьей в несении этой скорби, креста своего. А кто-то придет просто ради любопытства, для того, чтобы поест и попить. И при старце Севастиане разное бывало. Близкие ему люди трудились, пели на клиросе, помогали батюшке. Но были и проблемы, ссоры, зависть... Впрочем, как и везде и во все времена. То же самое было и при Спасителе во время Его земной жизни.

В материале использованы фрагменты публикации из «Кифы» (2013. №5(159), апр.) и статьи В.В. Королевой «Карагандинский старец преподобный Севастиан»

Вместе с прихожанами

Карагандинский лагерь (Карлаг)

Столкновение кругов

В этом номере мы заканчиваем публикацию ответов участников конференции «Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России» на вопрос «Кифы»: «Что Вас больше всего затронуло, может быть, удивило во время конференции?»

Священник Георгий Белькинд (Тульская епархия): Прежде всего, меня очень порадовало то, как академично выстроена сама структура этого конференционного общения. Предмет разговора такой разноплановый, плавущий, трудноуловимый, трудноопределимый... И вот, сделаны «четыре этажа», где все проранжировано: на пленарном заседании обсуждаются общие подходы, потом – секции, где идет аспектизация, после них круглые столы, где темы могут как-то обкатываться, рассматриваться в подробностях. И все это увенчивается вечерами воспоминаний, где предмет обсуждения становится самой реальностью во взаимном общении. Это говорит о грамотном научном уровне – не в схоластическом, «засушенном» виде, когда группа специалистов «на птичьем языке» обсуждает то, что вообще никому не понятно. С этой точки зрения понятно, почему конференция многих привлекла (а здесь собрался отнюдь не «междусобойчик»), ведь такая комплексно продуманная система работы обещает высокую продуктивность.

И нужно сказать, что это ожидание полностью оправдалось. Та часть конференции, которую я застал, прошла на очень высоком уровне. Хотя, конечно, разнонаправленность и разноплановость выступлений вызывает сложность их общего осмысления. С другой стороны, участники конференции и не ставили задачу выработать некое универсальное, единое и общеобязательное теоретическое понятие «дружеского круга». Остается продуктивная недосказанность, и для меня итог (пока что промежуточный) – это мысль, которая звучала во время обсуждений: дружеский круг, дружба, братство выступает как всеобщая смысловая задача, и во всякую эпоху люди пытаются ее решить. И мы на конференции оказались перед лицом свидетельств о том, как она решалась в XIX и XX веке – интеллектуальными сообществами на свой манер, церковными на свой. Наверное, для молодых участников, которые были слушателями, а не докладчиками, это еще ясней. Потому что они только входят в жизнь, и если для них это останется как некий вызов, как некое предложение: сможете ли вы дружить, сможете ли вы создать то, о чем через сто лет будут говорить на конференции? – то это, конечно, было бы прекрасно.

А.В. Кобак, исполнительный директор Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачёва (Санкт-Петербург): Меня с самого начала удивила тема конференции. Она не чисто научная. Она одновременно и научная (историческая), и общественная, я бы сказал, общественно значимая. Я вижу, что время сейчас постепенно идет в сторону умаления значения общественных инициатив. И в этом смысле дружеские связи, которые в советские годы были спасением для людей моего поколения и тех, кто старше нас, может быть, опять будут, как это ни печально звучит, востребованы.

Тема дружества важна и потому, что в России еще с петровских и екатерининских времен дружеские круги зачастую являлись началом каких-то важных культурных инициатив. Так создавались многие гимназии, которые мы знаем по именам: гимназия Стоюниной, школа Карла Ивановича Мая. Потом они становились официальными. Так создавались различные благотворительные общества и организации, которые расцвели в России в конце XIX – начале XX века и были полностью уничтожены буквально за несколько послереволюционных лет.

Так что дружеские круги оказываются в нашей стране важной вещью. Наша культура особенно к этому склонна. Поэтому тема показалась мне интересной, тем более что я тоже принадлежал к каким-то дружеским кругам в 1970-е годы, и многие мои нынешние занятия берут начало оттуда.

Н.В. Брагинская, руководитель учебно-научного центра антиковедения Института восточных культур и античности РГГУ: Прекрасная организация, интересные доклады, дружеская атмосфера. Что касается меня, то, наверное, мой доклад был здесь не очень нужен, но мне самой необходимость собрать мысли воедино была полезна. В целом же я считаю, что я слишком много занимаюсь полезным, а надо заниматься бесполезным. Дружбу считаю делом бесполезным и прекрасным, и с этой точки зрения я несколько перечила организаторам, настойчиво предлагавшим перевести дружбу с ее неформально-необязательного уровня на уровень организации и уровень пользы. Я полагаю, что бесполезное представляет собой огромную ценность, и если у нас общество нацелено на корысть, выгоду или даже на очень хорошую, но пользу, то надо оставить место и не для необходимого, а для прекрасного, то есть для дружбы.

Хотелось бы также напомнить, что дружба и замкнутость в дружеском круге может быть и опасна, что она должна отступать перед истиной, например. Дружеские связи, бывает, препятствуют открытости, свободе, критике, и падает от них тень или слепой солидарности, или беспринципного конформизма.

Е.С. Останин, кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного гуманитарного университета: Прежде всего меня удивила та «народная стройка», с помощью которой был создан этот замечательный центр. Я внимательно прослушал всю экскурсию, посмотрел слайд-фильм, задавал вопросы участникам. И, конечно, впечатлен. Нигде в других местах я не видел, чтобы низовая инициатива приводила к таким впечатляющим результатам.

Что касается обсуждения, то оно меня как раз не удивило, поскольку я не в первый раз участвую в конференциях Преображенского братства, а все-таки во второй. Оно в русле ваших традиций... Состав участников, докладчиков задавал очень высокую планку. И многое из того, что я здесь слышал, меня даже «приподнимало над собой».

Единственное, на что хотелось бы посоветовать – может быть, в какие-то моменты не хватало времени на дискуссию. Когда она разворачивалась, набирала обороты, регламент вынуждал ее останавливать, хотя – это видно было по публике, да и по собственным ощущениям – хотелось бы еще продолжить разговор. Но это замечание чисто техническое. А вообще, впечатления самые сильные и хорошие. Атмосфера удивительная.

Ну, и что еще меня поразило помимо дома – молодежь ваша. Я таких глаз – чистых, светлых, «умытеньких изнутри», не видел. Бог ты мой! Какие улыбки! Причем не натянутые, не вымученные, не «постнические». Я как раз с молодежью работаю, через меня каждый год проходит человек пятьсот с разных факультетов. Поэтому есть с чем сравнивать. А умные какие! Языки подвешенные, начитанные, скромные, воспитанные! Это Вы их такими делаете или таких собираете?

В основном это наши собственные дети. У нас есть для них самые разные детские и молодежные программы, летние лагеря. Но кто-то приходит в братство извне, благодаря миссионерским встречам, которые проводит прежде всего сама братская молодежь.

А мне хотелось бы в свою очередь спросить Вас вот о чем: Ваш доклад был посвящен Борису Талантову. Он – одна из самых ярких фигур периода хрущевских

Дом Культурно-просветительского центра «Преображение», в котором проходила конференция

гонений, один из немногих мученически закончивших в это время свою жизнь. Но людей этого и более позднего времени, которые известны исповедничеством, можно назвать по крайней мере десяток, не меньше. Почему мы гораздо меньше про них знаем, гораздо реже упоминаем, чем исповедников 1920–1930-х годов? Ведь людей сажали за веру вплоть до 1985 года!

Это так, но масштабы были совершенно другие. И «количество перешло в качество». Все-таки время было не столь сочащееся кровью. Некоторые даже отказывают хрущевским гонениям в праве называться гонениями, потому что они проходили в такой «ослабленной» форме: ничего похожего на времена Диоклетиана мы в них уже не видим. Отсюда, может быть, такое пренебрежительное отношение к исповедничеству этого периода: «А чем вы, собственно, рисковали? Вас уже не расстреливали, семьи ваши тоже напрямую следом за вами не отправляли». Поэтому кажется, что это не так важно или не так драматично. Хотя тут тоже была своя драма. Я как раз и пытаюсь показать, в чем она состояла. Сегодня я начал говорить в выступлении об открытом письме к патриарху Алексию I (Симанскому). Его подписали двенадцать человек – в списке имена, фамилии, адреса. Письмо было открытым не только в смысле «мы не таимся под псевдонимами», но еще и в том, что заранее объявлялось: «мы разошлем его везде». Понятно, что никто его нигде не опубликует, разве что Самиздат – распечатают на машинке доброхоты, я даже знаю, где: во Владимирском Успенском соборе. КГБ установило это по характеру шрифта.

Так вот, казалось бы, написали патриарху открытое письмо, вот мы, берите нас на блюде! Но результаты-то, помните, какие были? Одного выгнали с работы сразу же после появления разгромной статьи-пасквиля в местной печати. Другой человек умер затравленный. У самого Талантова жена умерла через несколько месяцев, не перенесла страданий и переживаний за него. Хотя никто никого не расстреливал. Как измерить эту драму? Вообще, мне кажется, мериться драмами как-то даже и неправильно. У каждого времени свои шкалы.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная
Фото: Алена Каплина, Юрий Крапивин, Александр Волков

Помогали в проведении конференции (а иногда и пели для гостей) члены молодежного «Круга» Преображенского братства

«Дружба, в отличие от любви, не бывает неразделенной»

О призвании петербургского «независимого культурного движения» размышляет в своем интервью исполнительный директор Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачёва Александр Кобак

Те круги, что Вы знали в 1970-е годы, – это явление близкое к братствам, например, 1920-х годов, или нет?

Внимание отечественных историков впервые привлек к кружкам 1920-х годов (не только к братствам) историк Арсений Борисович Рогинский. Было это году в 1978–1979-м. Он тогда начал со своим другом Александром Иосифовичем Добкиным работать с мемуарами Николая Павловича Анциферова, которые хранятся в рукописном отделе «публички»¹. Анциферов тогда не был запрещенным, его книги не прятали в спецхран. Он был просто совершенно забытым. Поскольку Анциферов посещал кружок Мейера и некоторые другие, возникла и тема братств и кружков интеллигенции. Мне кажется, Арсений Борисович ощущал какое-то сходство между кружками 1970-х годов и кружками 1920-х годов. И там, и там это были кружки интеллигенции, т. е. людей более или менее образованных и в той или иной степени интересующихся гуманитарной культурой.

Если говорить о 1920-х годах, то можно назвать две основные группы таких кружков: это светские кружки интеллигенции (часто с высоким интересом к религии) и церковные и околоцерковные братства, тайные монашеские общины, которых было довольно много. Почти все они были уничтожены к концу 1920-х – началу 1930-х годов.

Эти круги были разнообразно связаны между собой. Мало кто об этом помнит, но дочь руководителя религиозно-философского кружка «Воскресение» Александра Мейера была одной из монахинь тайного монашеского братства². Она умерла в 1993 году, и мой соавтор Виктор Васильевич Антонов еще успел с ней поговорить. Видите, как бывает – если Мейер был все-таки светским человеком, пытавшимся каким-то причудливым образом скрестить христианство и коммунизм, то его дочь уже была монахиней.

Вообще же кружков интеллигенции было очень много: литературные, музыкальные, художественные, религиозно-философские, монархические. Но все равно почти всех потом посадили.

О сходстве я сказал, а различия с нашей жизнью заключались прежде всего в том, что в 1920-е годы это все-таки были кружки «бывших», которые пытались либо воспроизводить старую дореволюционную жизнь, либо искать какого-то объединения с новой жизнью, каких-то социалистических идей, связанных с христианством. И все они вместе, и церковные люди, и светские – все пострадали и понесли тяжелый крест вместе, независимо от различий в их мировоззрении.

А в 1970-е годы мы, во-первых, не чувствовали себя никакими «бывшими». Наоборот, нам казалось, что наши кружки создают некую новую реальность, которая придет на смену тому, что нас окружало. (Отчасти так и вышло, только пришла немного не та реальность, о которой мы думали...) Никакого ощущения безнадежности не было. Наоборот, было время больших надежд. И, к счастью, хотя репрессии и коснулись некоторых из участников культурного движения 1970-х годов, но не в таком количестве, как несчастных людей 1920-х годов, поколению которых можно глубоко посочувствовать и помолиться за них. Им досталась тяжелейшая судьба.

И еще: если можно представить, что множество живых движений в 1920-х годах было некоторой реакцией общественного организма на происходившие в стране разрушительные изменения, то взрыв культурного независимого движения, который произошел в Ленинграде в 1970-е годы, был зарождением в недрах ослабевшего идеологического общества новой, более свободной и творческой жизни.

Это именно питерская особенность?

Да. В Москве было более политизированное диссидентское движение, чего в Питере было очень мало. В Москве обсуждались более «славянофильские» и «почвеннические» вопросы. А у нас почему-то все силы были направлены на то, что Борис Иванович Иванов назвал «независимым культурным движением».

Прежде всего выделялся религиозно-философский кружок Татьяны Горичевой. В тот момент они были в браке с Виктором Борисовичем Кривулиным, замечательным поэтом и удивительным общественным деятелем. К сожалению, сейчас его наследие немного забыто. Татьяна Горичева часто ездила в те годы в Москву и поддерживала связи со здешней религиозной публикой. Она говорила, что на семинарах в Москве были чисто церковные люди, а у нас – самые разные, даже магометане какие-то приходили. Чисто церковных людей было человек пять.

Мы с Виктором Васильевичем Антоновым примерно с 1978 года писали книгу «Святыни Санкт-Петербурга», историю всех петербургских храмов. Виктор Васильевич всегда был глубоко верующим человеком, я был в меньшей степени церковным человеком. Но мы, конечно, были церковными историками и таковыми себя ощущали. Наша епархия без особого энтузиазма смотрела на такую деятельность, потому получалось, что мы какие-то диссиденты.

Виктор Васильевич был блестящим ученым. Он был довольно близок к епархии, к нашей Духовной академии. Хотя книги мы писали сами по себе, без них. Академия в те годы заказывала переводчикам много переводов современных философов, немецких и французских, например, Пауля Тиллиха. А потом эти переводы оказывались в Самиздате, шли в неофициальную культуру. И все ими пользовались. Виктор Васильевич участвовал и в этой работе. Он знал шесть европейских языков, но дело не только в этом. Даже филологи, знатоки языков, почти все в то время были «советской выучки». А ведь если человек «благовещение» переводит как «хорошие новости», то вряд ли он подходит для такой работы. Нужна довольно большая общая культура. Сейчас это воспринимается более или менее естественно, а тогда это была редкость...

Нужно сказать, что религиозное творчество таких людей, как о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков нас всех занимало – даже независимо от того, насколько тот или иной человек был близок к церкви. Эта связь всегда была, потому что более всего мы ориентировались на русское дореволюционное наследие. Нам было важно восстановление преемственности, чтобы как бы перепрыгнуть через несколько советских десятилетий, попытаться нащупать в прошлом какие-то путеводные нити, за которые можно ухватиться и попытаться жить дальше.

Очень многие кружки между собой общались. И были такие люди, которые между собой связывали разные кружки, например Борис Владимирович Останин, один из редакторов самиздатского журнала «Часы». Он и сейчас по-прежнему такой же «коммуникатор». Потрашающим коммуникатором всех со всеми был Сергей Анатольевич Курехин. Таким же были поэты Аркадий Драгомощенко и Виктор Кривулин.

Постепенно эти общности стали независимой большой стратой³ в жизни города, объединявшей членов независимого культурного движения – образованных сторожей на стоянках и операторов в котельных. Рождалась какая-то новая реальность, параллельная бессмысленной советской. Я думаю, этот процесс был общероссийским. Просто он мне знаком по Ленинграду, и там он прояв-

Трудно пересказать все, что прозвучало во время вечеров воспоминаний. А многое и не успели рассказать...

лялся, может быть, в более яркой форме, чем в других городах нашей страны.

Насколько вы понимали в то время, что значили эти дружеские круги для страны, для истории?

Я думаю, что ясного понимания не было ни у нас, ни в более политизированных московских кругах у диссидентов. Большинству из нас казалось, что «развитой социализм» будет тянуться долго. Ощущения, что он через несколько лет рухнет, у меня, по крайней мере, не было. Было другое. Казалось, что время как бы понемногу разжимается. И как только стали разжиматься эти щупальца, сразу же стали выстраиваться возможности нормальной жизни в ненормальных условиях. Вот что было важно – создание среды обитания, пригодной для жизни.

А много людей было в кружках?

Да, много, сотни, тысячи людей! Десятки самиздатских журналов!

И куда КГБ смотрел...

Да плохо КГБ смотрел. Во-первых, всех при таком количестве включенных в это движение людей не пересажаяешь. Период массовых репрессий уже прошел.

Да, кого-то еще сажали. Например, Владимира Пореша, который был членом огородниковского семинара. Меня обыскивали по делу Пореша, хотя мы никогда не были знакомы. Просто это были какие-то формальные зацепки, раз дело было открыто. Это было в 1980 году. КГБ безрезультатно пыталось найти материалы против Арсения Рогинского и других членов его исторического кружка. Арсения Борисовича Рогинского арестовали в 1981-м, он отсидел пять лет. И Пореша тоже освободили только в 1986-м.

Но в целом КГБ пошло по другому пути. Оно попыталось взять независимое культурное движение под свой контроль. И в 1981 году был организован «Клуб 81», официальная структура, у которой был свой куратор из КГБ. Параллельно был организован Рок-клуб. Но было уже поздно.

Да, нас могли обыскивать, могли посадить, страшно было, но прежней свирепости репрессий уже не было. Да и дружеский круг помогал победить страх. А еще он давал смысл существованию, ты уже не жил как растение (пошел инженер в свой институт, спроектировал теплоту от этого дома до того, вернулся домой и стал смотреть телевизор). Дружеский круг давал ощущение творческой реализации. Многие люди находили там свою тему, становились писателями, историками. Это важные вещи. Без них, наверное, некоторым людям было бы тогда не выжить.

А сейчас вы встречаетесь? Круг остался? Или сложились уже другие отношения?

Однозначного ответа на этот вопрос нет. С кем-то дружеские отношения сохранились и продолжают. Многих людей уже не стало. Кто-то уехал (с некоторыми из этих людей связь восстановилась в 1990-е годы, когда они смогли возвратиться сюда). Кто-то просто занялся совершенно другим.

Интереснее даже не вопрос, сохранилась ли дружба, – да, для кого-то она сохранилась и по-прежнему украшает жизнь. Интереснее вопрос, что дал этот период русской культуре? Как мы можем это оценить? В начале 1990 года мне казалось, что он дал гораздо меньше, чем ожидалось. Когда мы жили во всем этом, казалось, что потенциал огромен. А когда началась перестройка и все стало можно, то реализовалось совсем немного.

Но прошел еще десяток лет, и я стал постепенно понимать, что то, что было в 1970-е, не пропало и постепенно «всплывает». Это не быстрый процесс, потому что 1990-е были очень сложными и очень сумбурными годами. Было много «пены», и в этой пене многое закопалось, ничего не было видно. Но из культурного движения вышло значительное число крупных литераторов, поэтов, прозаиков, художников. В тот период было создано довольно много значительных книг исторического и философского характера. То, что в рок-музыке было сделано, – это понятно многим. И ленинградский рок стал целой эпохой для людей более молодых.

Так что это был не просто путь некоего поиска нравственного поведения в условиях политической несвободы, а еще и сильная питательная творческая среда.

У Вас сейчас не возникает грусти от того, что этого больше нет, что это кончилось?

Нет. Грусть может возникать оттого, что молодость кончилась. А грустить по вещам, которые были связаны с политической несвободой, трудно. Это ненормально. Все-таки лучше, когда общество устроено так, что у человека есть возможность реализовываться в более естественных формах, чем тогда.

А вот радость, которая была тогда, – она сохранилась. Дружба, в отличие от любви, не бывает неразделенной.

Беседовала Анастасия Наконечная
Фото: Александр Волков

¹ Российская национальная библиотека в Петербурге.

² Лидия Александровна Мейер (Дмитриева) входила в Александро-Невское братство. С 1924 по 1930 г. жила в тайной общине сестер братства на Конной улице.

³ Страта – элемент социальной структуры (социальный слой или группа), объединенный неким общим общественным признаком (имущественным, профессиональным или иным). Ее можно также описать как некую общность, характеризующуюся единым стилем жизни.

На перекрестках города памяти

Начало на с. 1

Нам тоже было тесно в стенах Университета, и мы создали кружок «Летописец». В Арбатских переулках, у ребят, которые подрабатывали дворниками и занимали бесплатные квартиры в домах под снос или реконструкцию, мы читали Хомякова, обсуждали славянофилов, ходили к Николаю Всеволодовичу Котрелёву, который собирал и собирает вокруг себя московскую христианскую интеллигенцию. У него дома я познакомился с Натальей Леонидовной Трауберг. Многие тогда ходили к нему и обсуждали тексты именно так – не в университетском формате, а в домашнем сидении, и оказывалось, что посещение дома не обязательно связано с застольем, с выпивкой (хотя и это тоже порой было). Мы приходили обсудить какие-то вещи, о которых в Университете либо не успевали поговорить, либо (что бывало еще раньше) не могли, потому что «у стен тоже есть уши»¹. Эта неинституциональная сторона научного общения тесно была связана и с духовной жизнью, потому что советская эпоха вовсе не была эпохой тотального атеизма. Была и религиозная жизнь; она была более скрытой, подспудной, но, может быть, в чем-то более искренней и глубокой. Подумать об этом дал возможность вчерашний круглый стол.

А сегодняшнее заседание прежде всего порадовало меня тем, что на нем было много народу, потому что обычно, когда на такие школы приезжаешь, люди утром спят. А здесь практически все пришли, и был полный зал. Была очень заинтересованная, внимательная публика. Об этом свидетельствовали вопросы, в том числе и те, которые задавались в кулуарах. Они касались тех моментов, которые я не успел осветить – отчасти по недостатку времени, отчасти потому, что они могут быть сложными для широкой аудитории. Я рассказывал больше об исторических аспектах функционирования «Новоселовского кружка», а углубиться в то, например, как христологическая терминология становится элементом интерпретации дружеских отношений (нераздельность – неслиянность, нумерическое – генерическое тождество у Флоренского) я не смог. Вопросы, которые мне потом задали, касались в том числе и этого, метафизики дружбы, богословия дружбы, и это дало возможность продолжить обсуждение уже за рамками доклада.

Нина Ивановна Попова сказала, что Ваш доклад был для нее открытием. Создается впечатление, что московские религиозно-философские круги, о которых Вы рассказывали, менее известны, чем петербургские. Как Вы думаете, почему?

Возможно, это следствие местного, городского патриотизма: москвичи лучше помнят о своем, петербуржцы – о своем. Может быть, это происходит в силу того, что Петербург был в то время, о котором мы говорим, столичным городом, где бурлила общественная жизнь.

Но как бы то ни было, действительно, полностью собраны материалы, протоколы собраний Санкт-Петербургского религиозно-философского общества и изданы в трех томах. А вот по московскому религиозно-философскому обществу памяти Владимира Соловьева, которое было не менее значительным, пока такого интегративного издания нет, есть лишь отдельные статьи и монография Ютты Шерер на немецком языке (не переведенная, кстати, на русский язык). А ведь это было не просто общество, это был круг Маргариты Кирилловны Морозовой – близкий круг, дальний круг. Было свое книгоиздательство – «Путь», где выходили книги не только по философии. Там печатались и Бердяев, и Булгаков, и Трубецкой, выходили проповеди о. Сергия Шукина. Это был не просто кружок, это был целый институт, который работал на протяжении десятилетия, и в 1916 году благодаря этой работе был создан музей Владимира Соловьева; был и лазарет имени Владимира Соловьева, где члены

этого кружка осуществляли помощь раненым в годы Первой мировой войны.

Может быть, отсутствие целостного издания связано с проблемой сохранности архивов. Сегодня я посоветовал молодому коллеге, бакалавру Свято-Филаретовского института, занимающемуся этими проблемами, посмотреть архив Маргариты Кирилловны Морозовой в РГБ. Ведь именно она, как я уже говорил, была средоточием тех пересечений путей, которые образывали это сообщество.

Важно написать хотя бы летопись: историю докладов, историю заседаний. По отдельным докладом – например, по известнейшей статье С. Булгакова «Побе-

дитель – Побезденный» в связи с двадцатипятилетием смерти Константина Леонтьева – мы можем судить, что были очень интересные заседания.

В воспоминаниях Сергея Фуделя немного рассказывается о том, как это происходило.

Да, он вспоминает прозвучавший на этом заседании доклад о. Иосифа Фуделя о взаимоотношениях Константина Леонтьева и Владимира Соловьева. Но не только это заседание, многие другие заслуживают отдельной реконструкции. Несомненно, должна быть написана и общая летопись всего процесса, потому что это важно и для истории философии, и для истории церкви и духовных движений XX века.

Это позволит сделать более ясной и общую картину. У меня ощущение, что московское общество возникло несколько раньше, чем питерское. В Москве собрались еще в 1905 году, но не получили официального разрешения. И только в ноябре 1906 года общество было официально зарегистрировано и открыто. А в Петербурге, если я не ошибаюсь, начало работы религиозно-философского общества – 1907 год. А вот религиозно-философские собрания, где встретились интеллигенция и церковь, начали проводиться по благословению митр. Антония (Вадковского) как раз в Петербурге в 1901 году. Так что пальму первенства в процессе этого диалога и взаимодействия все-таки нужно отдать северной столице.

Московские братства начала прошлого века ведь тоже мало изучены. Мы знаем, что был «Союз объединенных приходов» и братство свящ. Романа Медведя (возможно, были и другие), но о них почти нет информации. И если история петербургских братств, прежде всего Александро-Невского, исследована достаточно подробно, то в связи с московскими возникает ощущение, что «ничего и не было».

Я историк русской философии, а не историк Церкви, поэтому в связи с братствами я могу говорить, скажем, о том, что имело отношение к членам Братства св. Софии, которое возникло опять-таки в Петрограде. Его создателем был А.В. Карташев. Потом в Праге оно реанимировалось и продолжило работу. Это Братство сыграло очень большую роль в становлении Парижской школы богословия и в развитии учения о Софии Премудрости Божьей в творчестве о. Сергия Булгакова. Еще одна интереснейшая тема – Фотиевское братство в Париже, которое, напротив, играло роль критиков Булгакова и его софиологии. Его создали братья Ковалевские, Владимир Лосский, Алексей Ставровский. Все это имеет отношение к спору о Софии, к истории русской философии. Хотя, опять-таки, насколько мне известно, архив Фотиевского братства, находившийся в Синодальной библиотеке, не разобран и тоже требует изучения.

В каком-то смысле все эти проблемы естественны, потому что в советскую эпоху такие темы никак не могли стать предметом изучения официальной науки. Если само существование православной веры ставилось под вопрос (Хрущёв говорил: «Я покажу в 1980 году по телевизору последнего попа!»), то какие могут быть братства? Это вообще воспринималось как нечто предельно архаичское. Но теперь пришло время, когда эти исследования не только не воспринимаются как «церковная археология», но могут актуализироваться в жизни современных общин.

Знаете, я застал в живых Анатолия Борисовича Свенцицкого, племянника о. Валентина, заслуженного артиста России и Литвы, прекрасно читавшего Бальмонта. Мы с ним бродили по Арбату, и он показывал мне свою приходскую церковь – храм Успения на Могильях, легендарный храм на Арбате, отраженный в «Симфониях» Андрея Белого. В то время в здании храма находилась киностудия «Диафильм», и он рассказывал, как они создали приходскую общину, и он стал старостой этой общины, как они пытаются отвоевать этот храм, и у них ничего не получается, и они собираются там в подвале. Сейчас этот храм возвращен церкви, он действующий, я туда зашел недавно; там очень красивый иконостас. Но Анатолия Борисовича уже нет в живых, он умер в 2007 году.

Может быть, вы видели его книгу, которая называется «Они были последними?». Интереснейшая книга, написанная свидетелем эпохи. В ней приводятся многие факты из жизни московских общин 1920–1930-х годов – как закрывались храмы, как общины «мигрировали», переходили из одного храма в другой.

В прошлом году в Нарышкинских палатах открылась выставка, посвященная монашеским общинам Высоко-Петровского монастыря. И там тоже рассказывается, как они переходили из храма в храм...

Я был на этой выставке; ее делал муж моей коллеги по факультету, Алексей Беглов, он нас туда и пригласил. Это действительно интереснейшая тема, потому что община Петровского монастыря – это продолже-

ние Зосимовой пустыни². До слез трогаящая история, потому что, по-моему, только один монах, несмотря на все преследования и гонения, дожил до 1950-х годов³. С этой общиной был близок и духовный отец четырех Лосевых, одно время скрывавшийся у них дома на Арбате⁴. И, кстати сказать, сам Алексей Федорович Лосев, выдающийся русский философ, тоже был монахом в тайном постриге. Его монашеское имя – Андроник. Это сообщила Аза Алибековна Тахо-Годи на конференции, приуроченной к столетию Алексея Федоровича, через пять лет после его смерти, то есть этот факт даже после его кончины долгое время был неизвестен. Помимо того, что он был тайный монах, он был близок к кругам «непоминающих». В 1930 году он проходил по делу «Истинной православной церкви», четыре с половиной года находился в тюрьмах, в лагере, строил Беломоро-Балтийский канал. Это тоже часть жизни православных общин.

Вспоминается мне и книга Валерии Пришвиной «Невидимый град», из нее мы тоже многое узнаем про московские общины. Удивительна фигура Олега Поля – ее духовного возлюбленного, с которым она не соединилась в браке и которого она описывает в этой книге – философа, имяславца. Он был духовным чадом о. Давида (Мухранова) и отправился потом на горы Кавказа и погиб там, был расстрелян с остатками монахов-имяславцев в 1929 году, когда за один день в Красную Поляну пришли войска и уничтожили всех монахов, которые там оставались, триста человек.

Мы недавно говорили друг с другом о том, что очень многие люди, которых мы связываем с XIX веком, дожили до 1917 года. Например, Анна Сниткина, супруга Достоевского, погибла в 1918 году в Крыму. В том же году скончалась Ольга Сократовна Чернышевская. Так что «Вера Павловна» из романа «Что делать?» увидела исполнение своих снов (интересно, как ей это понравилось?)...

А Маргарита Кирилловна Морозова, подруга Евгения Трубецкого и организатор Московского религиозно-философского общества, вообще дожила до 1958 года. И жила она последние годы, когда-то имевшая несколько особняков, после долгих скитаний, в скромной квартирке недалеко от высотки МГУ, в новых домах на окраине Москвы. И ее саму, и ее сына (помните портрет Мики Морозова?) рисовал Серов, она была очень богата и давала деньги на всю русскую философию. И вот закончила жизнь не только при Сталине, но пережила сталинскую эпоху и ушла при Хрущёве. То, как жизнь распоряжается – кому-то дается много времени жизни, чтобы стать свидетелем ушедшей эпохи, кому-то мало – это удивительные вещи.

Беседовали
Александра Колымагина,
Анастасия Наконечная

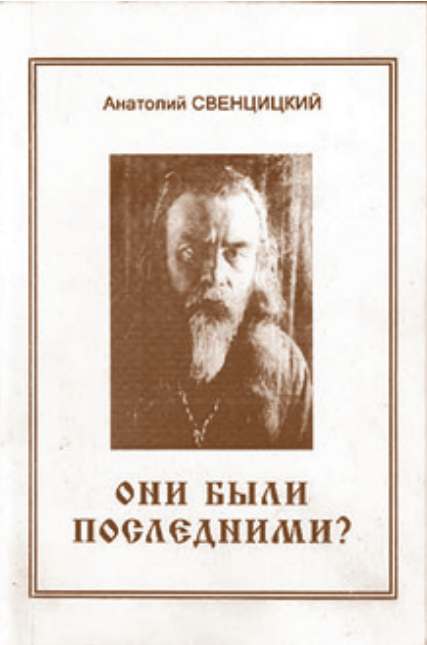
Валентин Серов. Неоконченный портрет Маргариты Морозовой. 1910 г.

¹ В советское время профессора гуманитарных дисциплин должны были представлять в партком написанный текст лекции. Рассказывали, что Валентин Фердинандович Асмус читал на философском факультете всегда по написанному тексту, не отступая от буквы, потому что любое отступление от буквы было чревато донесением в партком. – А.К.

² Свято-Смоленская мужская Зосимова пустынь (находится во Владимирской области), до революции – известный центр старчества, была ликвидирована в 1923 году. После закрытия пустыни ее насельники разошлись в разные места: иеросхимонах Алексей (Соловьев) перебрался в Сергиев Посад, а несколько других духовников переехали в Москву, в Высоко-Петровский монастырь.

³ С подпольным периодом жизни Высоко-Петровского монастыря связаны имена девяти канонизированных российских святых, принявших мученическую кончину за Христа или подвергшихся гонениям. Это сщмч. Макарий (Гневушев) – расстрелян 4 сентября 1918 года; прпмч. Игнатий (Лебедев) – умер 11 сентября 1938 года в заключении; прпмч. Герман (Полянский) – расстрелян в 1937 году; прпмч. Федор (Богоявленский) – умер 19 июля 1943 года в ссылке; прпмч. Варлаам (Никольский) – расстрелян 19 ноября 1937 года; прпмч. Макарий (Моржов) – расстрелян 10 июня 1931 года; прпмч. Косма (Магда) – расстрелян в 1937 году; мч. Николай Варжанский, организатор Варнавинского общества трезвости – расстрелян 19 ноября 1918 года; мч. Иоанн Попов, богослов, церковный историк, профессор Московской духовной академии – расстрелян в 1937 году.

⁴ Духовником Лосевых был архим. Давид (Мухранов), принадлежавший к афонским имяславцам – к той части этого движения, которая после длительных споров и церковных конфликтов, связанных с имяславием, надеясь на будущее изменение своей участи, осталась в Москве в назначенных им монастырях и, насколько об этом можно судить, находилась в 1920-е годы в общении со свт. Тихоном. В 1921 г. в Москве начали проходить общественные беседы и чтения по вопросу об имяславии, а на следующий год А.Ф. Лосевым был организован имяславческий кружок, действовавший до 1927 г. Из афонских иноков кроме архим. Давида регулярно посещали этот кружок иеромонахи Манассия и Ириней. Членами кружка были Лосев и его супруга В.М. Лосева, свящ. Павел Флоренский, Д.Ф. Егоров, П.С. Попов и другие.

Анатолий СВЕНЦИЦКИЙ

ОНИ БЫЛИ ПОСЛЕДНИМИ?

Зачем нужно христианство Фрагменты миссионерской Открытой встречи

Священник Георгий Кочетков: В прошлый раз¹ мы с вами говорили о нашей жизни и вообще о жизни человека, который живет в современном мире со всеми его обстоятельствами, внутренними и внешними. Говорили и о том, что очень много тупиковых ситуаций, трудных ситуаций, иногда слишком пессимистических – но все-таки совершенно ясно, что человек не может жить без надежды, без веры, без того, чтобы найти достойный выход из любого, даже самого неприятного положения. Мы говорили о том, что для этого нужны усилия. Мы их назвали прорывом, потому что прорыв – это выход за пределы обыденности, за пределы обычной нашей жизни.

Такие прорывы есть. И в прошлый раз мне лично было очень интересно слушать те свидетельства, которые прозвучали здесь. Люди просто рассказывали о себе, рассказывали о своей внутренней жизни, о том, как они эти прорывы осуществляли. И это действительно интересно, потому что это звучало живо, по-настоящему, без всякой идеологии, без всякой фальши.

В наших встречах повторений не будет, мы будем все время идти вперед. В прошлый раз мы говорили о христианстве очень немного. Да, какие-то важные вещи прозвучали, но тем не менее я не думаю, что этого достаточно. Поэтому сегодня мы будем говорить не вообще о жизни современных людей, которые живут, выживают и стараются это делать достойно, но именно о *христианстве в контексте современной жизни*.

Я заранее, как и в прошлый раз, скажу вам о том, как я планирую проводить эту встречу, чтобы вы могли как-то

сориентироваться и подготовиться. Сегодня вторая встреча из трех. Так вот, примерно час с небольшим мы поговорим с вами о христианстве, каким вы его себе представляете. Мне кажется, было бы очень интересно, если бы мы все еще друг другу рассказали и о том, каким мы христианство хотели бы видеть – вот мы, простые люди, не патриархи, даже не епископы, хоть некоторые и священники. На этом напряжении двух полюсов – что мы думаем о христианстве и чего мы хотели бы – я думаю, может возникнуть очень интересный диалог. Заранее предупреждаю, что вы можете быть абсолютно открытыми. Если вам хочется сказать искренне что-то критическое, пожалуйста, говорите. Здесь никто обижаться ни на что не будет. Даже если кто-то будет ошибаться, ничего страшного, все люди в чем-то ошибаются.

Итак, в первой половине встречи мы будем диалогизировать. А во второй вы зададите вопросы уже непосредственно мне и моим помощникам.

Окончание на с. 2-4

Я возревновал о славе Отчей...

Когда я была девочкой, весь наш дом был заполнен книгами. Родители выстраивали вдоль стен все новые стеллажи, и все равно книгам не хватало места; они лежали стопками на подоконниках и стульях. Заметную часть этой огромной библиотеки составляла фантастика. Много позже я поняла, что в те годы она была одной из «отдушин», дававшей возможность сказать обиняком то, что было невозможно вписать в рамки разрешенного к публикации соцреалистического дискурса.

Иногда в этих фантастических романах встречалось что-то волшебное. Например, эпиграф без подписи: *«Двадцать дней, как плыли каравеллы, / Встречных волн проламывая*

грудь; / Двадцать дней, как компасные стрелы / Вместо карт указывали путь». Странная музыка этих стихов заволаговала, и хотя казалось, что раз они не подписаны, то и принадлежат автору романа, фантасту Ивану Ефремову, где-то в глубине души оставался вопрос – чьи они?

Прошло много лет, прежде чем я узнала имя автора и поняла, почему оно не было напечатано: Николай Гумилёв был расстрелян в 1921 году, в возрасте 35 лет, по «делу Таганцева», то есть за участие в антисоветском заговоре. И даже анонимное цитирование его стихов в печати в 1970-е годы было смелостью, тайным знаком для своих, для тех, кто смог узнать эти строки.

Во время перестройки широко распространено было мнение, что Гумилёв пострадал безвинно, что самое большое, в чем его можно было обвинить, – это в недонесении. Кто-то вообще считал «Таганцевское дело» чекистской фальшивкой. Однако в последнее время стали известны документы, несомненно подтверждающие и наличие тайной боевой организации, и участие в ней Гумилёва*. Для нас это делает его образ лишь еще ближе: ведь Гумилёв был не только одним из лучших поэтов Серебряного века (не до конца оцененным в свое время), но и офицером, георгиевским кавалером. И он погиб, сражаясь за погибающую, разрушаемую «до основания» новой властью Россию.

* Подробнее об этом можно узнать из серии радиопередач, посвященных «Таганцевскому делу» и прозвучавших на радио «Град Петров» в сентябре 2011 года.

Окончание на с. 4

Николай Гумилёв со своей супругой Анной Ахматовой и сыном Львом. 1916 год

Зачем нужно христианство

Начало на с. 1

Я не хотел бы, чтобы вся наша встреча в этот раз проходила только в вопросно-ответной форме. Может быть, это будет более уместно в следующий раз, поживем – увидим. Но хотя бы половину времени посвятить этому, я думаю, будет интересно. Чтобы вы не только что-то говорили, но могли что-то узнать или же «сверить часы», как-то согласоваться. В прошлый раз к концу нашей встречи сложилась очень живая и теплая атмосфера. И я очень надеюсь, что такой же открытой, живой и теплой она будет и сегодня.

Мы живем в Москве, в очень специфическом, но христианском, культурном, духовном, интеллектуальном, жизненном, даже житейском ареале. Люди так или иначе сталкиваются и с церковью, и с христианством.

Многие читают Священное Писание, какие-то его интерпретации, что-то слушают, что-то видят и имеют какие-то свои суждения. Еще раз призываю вас не стесняться, не бояться любых суждений, при условии, что мы будем уважительны друг к другу, понимая, что здесь самые разные люди – и уже верующие, и неверующие, православные и не православные. Что, наверное, и интересно. Пожалуйста, давайте попробуем найти общий язык. Кто бы хотел начать?

Первый участник встречи: Каким я себе представляю христианство?

Это, конечно же, соблюдение канонов христианства, Десяти заповедей – по мере возможности для меня. И если у меня не получается с какой-то заповедью справиться, то у меня есть Бог, есть человек, который поможет мне, какой-то духовник, который наставит. Я не являюсь священнослужителем. Я – обычный гражданин Российской Федерации. Но для меня приемлемо жить без греха. То есть я не употребляю алкоголь, не курю никакие сигареты. Если я не в браке, для меня нет никаких внебрачных отношений. Все, что соответствует Десяти заповедям. Для меня, в принципе, понятны эти истины, которые можно черпать в Библии. Каким я вижу христианство? Для меня это ежедневная жизнь в этом всем. И каким бы я хотел его видеть? Я бы хотел его видеть не так, как я его увидел, в тридцать лет (мне сегодня сорок), а я хотел бы его увидеть еще в год, два, три, в своей семье, в детском садике, в школе. Чтобы я был знаком с этой информацией, и для меня не были бы некоторые вещи шоком. Чтобы до меня это доносили с самого детства. Вот таким я его хотел бы видеть.

О. Георгий: Я тоже буду честным и откровенным, как и Вы. Мне кажется, что Вы мало сказали о христиан-

стве. Вы сказали о Десяти заповедях, о том, что надо жить по ним. Говоря по-простому, переводя это на общеупотребимый язык – по правде и справедливости. Ведь что такое заповедь? Это норма правды и справедливости. (*Голос из зала: «И совести».*) Совесть тоже говорит об этом, правильно. А чем это не голос Божий? Да, он звучит внутри нас, спасибо за расширение. Но в первом выступлении мы слышали о заповедях, и имелись в виду Десять заповедей. А это еще не совсем христианство, это все-таки дохристианское время – Ветхий Завет. Заповедь – дело великое. Кто же поставит их под сомнение? (Я имею в виду не все шестьсот с лишним заповедей Ветхого Завета, а именно Десять заповедей). Ни одна из них не устарела, и слава Богу. И для нас это важное свидетельство. Если проходят тысячелетия, а заповеди не устаревают, это говорит, что в этих заповедях действительно присутствует правда и истина. Формы меняются, культуры меняются, история меняется, люди меняются, все меняется, а смысл и дух заповедей не меняется. Да, он претерпел однажды некоторое изменение в связи с пришествием Христа. Христос здесь поменял что-то важное. Но Он не отменил Десять заповедей. Не было такого, и не могло быть. Так что то, что Вы говорите, важно, потому что для нас очень важно знать, что значит жить по правде, по справедливости, по-Божески. И я думаю, что даже если здесь есть совсем полные атеисты, это все равно для них не пустые слова. Всякий человек стремится к правде, он хочет жить по-человечески. Он может не сказать «я хочу жить по-Божески», хотя и это тоже слова, которые имеют смысл не только для верующих людей. «Живи по-Божески, говори по-Божески, поступай по-Божески» – согласитесь, это можно сказать любому человеку, не спрашивая его о том, верующий он или неверующий, и какой он верующий. Но для нас очень важно то, что жить по-Божески и значит жить по-человечески. А жить по-человечески, то есть достойно, и значит жить по-Божески. Ну, и по совести тоже. Тут, мне кажется, мы с вами нашли общий язык.

Второй участник встречи:

Для меня христианская жизнь – это главные слова Христа, когда Он сказал: «Люби Бога и люби ближнего своего». Когда ты любишь только человека, не любя Бога, ничего не получится. И когда ты любишь только Бога и не любишь человека, тоже ничего не получается. Если человек это понял, если он это воспринял сердцем своим, то тогда у него получится жить по-христиански, и это есть христианская жизнь, и это есть Путь, истинный Путь.

Фрагменты миссионерской Открытой встречи

О. Георгий: Было бы прекрасно, если бы мы все уже жили по любви к Богу и ближнему, то есть полностью исполнили бы эти заповеди, которые Христос, хотя и цитирует опять же из Ветхого завета, но цитирует уже в новом контексте, наполняет их новым содержанием. Само понятие любви у Христа обретает новые обертоны, новый смысл. Он берет древние заповеди и ставит их еще и в какой-то новый, совершенно удивительный, какой-то фантастический, с точки зрения немыслимости для ветхозаветного сознания, контекст.

Я очень надеюсь, что мы все можем согласиться с тем, что если бы мы жили по любви к ближнему – не просто к близким, то есть к родным и друзьям, а к ближним, ко всем, с кем мы лицом к лицу встречаемся, даже если это совсем незнакомые люди – так вот, если бы мы эту презумпцию любви могли предъявить каждому, даже тому, кто нас не любит (а такие люди всегда найдутся, кто же не знает), то это уже было бы очень много. Но Вы совершенно правы – только любить Бога, не любя ближнего, или наоборот, любить ближнего, не любя Бога, недостаточно в принципе, нельзя оторвать одно от другого. Поэтому эту заповедь так и называют – двуетидной. Правда, между ее сторонами существует завуалированная вертикаль. Все-таки первая заповедь – возлюби Бога всем сердцем, и всем помышлением, и всей крепостью: всей своей жизнью, всеми своими силами. А вторая, подобная ей: возлюби ближнего, как самого себя. То есть не исключая и самого себя из этого ряда любви, и это не будет эгоизмом. Эгоизм – это когда ты только себя любишь и без Бога, и без ближнего. А если ты любишь ближних, как себя, то ничего предосудительного, уверяю вас, в этом нет. Мы иногда боимся любить себя, а иногда почему-то боимся любить ближних. И еще чаще боимся любить Бога. Я как раз на днях об этом думал и пытался найти ответ на вопрос, почему людям трудно любить Бога. Кажется, это самое простое, о чем говорит заповедь: просто полюби Бога, который Сам есть Любовь. Что здесь трудного? В чем проблема? Почему многие современные люди готовы идти на что угодно, только не на это? Это один из вопросов. Я для себя только констатировал то, что это так и есть: современные люди не понимают, что значит любить Бога. Тогда у меня возникает следующий вопрос: во-первых, почему, а во-вторых – понимают ли они тогда, что значит любить ближнего? Имея в виду как раз то, что эти вещи неразрывны. Если я не понимаю, что значит любить Бога, то может быть, я и не понимаю, что значит любить ближнего, а поэтому часто и не люблю ближнего.

В лучшем случае люблю близких своих, и то – сколько хочу и как хочу. Сегодня близкий, а завтра уже и не близкий, сегодня – молодая семья, завтра – мы развелись, сегодня – мы друзья, а завтра – ненавидим друг друга...

Третий участник встречи: *Про Десять заповедей понятно все, а почему Заповеди блаженства не освещаются так ярко христианством? Потому что их понять обычный человек тоже не сможет, даже читая Библию. И второй вопрос. Хотелось бы, чтобы христианство больше давало человеку понять, как приобрести Святой Дух, Который помогал бы ему справляться со своей греховной массой или телом.*

О. Георгий: Сначала о блаженствах Евангельских.

Все, кто читал Евангелие от Матфея, помнят, что прямо в начале этой книги, в Нагорной проповеди Христа, есть знаменитые «Блаженства». «Блаженны нищие духом, блаженны плачущие, блаженны алчущие и жаждущие правды, скорбящие... блаженны вы, когда вас будут поносить и гнать, и всячески неправедно злословить из-за Меня». Конечно, Блаженства менее известны, чем заповеди Моисея, хотя они поются каждый день в храме. Они поются по-церковнославянски, но не то чтобы совсем непонятно; многое понятно. И хотя их поют каждый день, почему-то это усваивается хуже. Может быть, потому, что это сложнее, здесь нет таких четких понятий. Одно дело «да не будет у тебя иных богов, кроме Меня, говорит Господь» или «не убей, не прелюбодействуй, не кради и не лжесвидетельствуй», а другое дело – «блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Да, здесь одни уравнения с множеством неизвестных. Это кто же такие – нищие духом? И что это за Царство Небесное, которое почему-то населяют только нищие духом? Совершенно непонятно. Для того, чтобы такие вещи понять, нужно, действительно, хорошо понимать Слово Христово. Многие люди ценят больше внешнюю силу и могущество, и знатность, и богатство. И чтобы понять, почему блаженны скорбящие, кроткие, то есть те, кто не всегда в чести среди людей, надо от Ветхого Завета пойти значительно дальше, к самому центру христианства. Так что, действительно, с Блаженствами непросто. И здесь уже на язык, повторяю, все не свалишь. Нельзя сказать, что это самый непонятный текст, пусть даже на церковнославянском, в том виде, в котором он каждый день поется на литургии в храмах.

Видимо, чтобы его воспринять, надо действительно иметь тот самый дар Духа Святого, о котором Вы говорите. Нужно уже иметь Любовь Христову. Ведь что такое Дух Христов? Это Его Любовь, крестная и воскресная. Нельзя

На миссионерской Открытой встрече. Ноябрь 2015 года

себе представить Христа без Креста, без Распятия, как и без Воскресения. Нам порой трудно понять, что все это значит. Но все-таки мы пытаемся себе это представить. И, конечно, в этом есть своя тайна – это Тайна Любви, той самой Любви и Свободы, о которой мы уже не первый раз упоминаем. Если у человека есть дар Духа Святого, значит, у него есть эта Любовь, эта Свобода. А много ли мы знаем людей, которые живут Любовью и Свободой? Многие ли мы знаем людей, которые живут даром Духа Святого? И как обрести этот дар, как познать тайну Любви Христовой, да еще не просто познать сердцем, но и жить этим Светом всю жизнь? Да еще в наших современных условиях, где все против этого? Пока поставим многоточие, Вы согласитесь?

Из вопросно-ответной части встречи

У меня дерзновенный вопрос. Мы знаем Десять заповедей, две заповеди о любви и заповеди Блаженства... Например, есть такая заповедь: «почитай отца и мать». Но почему в Библии нигде не сказано о том, что надо любить своих детей – кормить, одевать, поить, воспитывать, не сдавать в детдома? А сколько у нас таких случаев, когда дети-подростки брошены на произвол судьбы. В Библии это как-то упущено.

О. Георгий: Нет, это там не упущено, скажу Вам честно. Просто там об этом говорится как о том, что в нормальном случае свойственно всем людям, в том числе и язычникам. Любить своих близких – это свойственно просто всем, даже животным, потому что когда ты любишь своих – свою жену, своих детей, родителей – ты на самом деле любишь себя. Они в определенном смысле то же, что и ты. Ты без них – не совсем ты, согласитесь.

Нужно сказать, что один из первых шоков, который пережил античный

мир, когда стало распространяться христианство, был связан как раз с этим. Давайте перенесемся с вами на две тысячи лет назад. Язычники в то время (рождаемость была большая, детей прокормить было трудно) выбрасывали новорожденных детей на помойку. Что сделали христиане? Они не только не выбрасывали своих детей на помойку, как все остальные, они еще и брали к себе, спасали чужих детей. Здесь ведь не нужно никаких специальных заповедей. Если есть хоть какая-то любовь в сердце человека, если она чуть-чуть шире, чем просто любовь к себе и к своему – к своему удовольствию, своим удобствам и выгодам, – то невозможно быть жестоким по отношению к другим людям, просто невозможно. А когда умирает вера, когда умирает любовь, то неизбежно возникает жестокость. Скажем, советская власть совсем не декларировала, что нужно быть жестоким к детям, к родным. Но она так жила, что жестокость стала естественным следствием того духа, который она насаждала. Вот и все.

Что это за состояние, когда у меня совсем нет вопросов? Я объясню сейчас, о чем я говорю. Вы уже говорили о том, что, если человек не просто читал Евангелие, не просто изучил его, а когда он это открыл у себя, в своем сердце, когда он понимает, какую жертву принес Христос, и это не просто знание, а в сердце твоём это есть, тогда гораздо проще приступать к вопросам, даже к Ветхому Завету, даже к каким-то духовным течениям. Тогда можно уже не смущаться, когда ты размышляешь о братолюбии, или аскетизме, или мистикизме, и у тебя уже нет сумбура в голове. Потому что у тебя есть главное – у тебя есть этот Свет. Я не хочу сказать, что это не смутит совсем, конечно же, есть вопросы, которые могут смущать,

которые терзают человека. Но в человеке есть уже главное, и все остальное уже не так важно, потому что можно прийти к священнику, если у человека есть духовный отец. Это прекрасно, когда он есть, и все остальные вопросы можно уже обсудить с ним. Он поможет. Я хочу сказать, что если нет вопросов благодаря тому, о чем я сказал, не есть ли это гордыня? Это нормально, если нет вопросов?

О. Георгий: Нормально то, что Вы сейчас сказали. Потому что на самом деле в Вашем выступлении вопрос есть, только это «отложенный вопрос». То есть он не касается первооснов, он уже явно выводит на дальнейшие шаги. Вопрос в том, как все это осуществляется и как быть при этом целостным и последовательным. Мы очень грешим непоследовательностью и нецелостностью, и в этом вопрос самый большой. Поэтому мы и планируем, что после нашего цикла встреч мы попытаемся организовать для желающих встречи более длительные, но и не в таком большом количестве народа, а более личные, чтобы можно было отвечать на такие вопросы, как построить свою настоящую христианскую жизнь целостно и последовательно. Этому будет посвящен следующий цикл, но после этого цикла. Поэтому, если у Вас сейчас нет вопросов, я Вас только поздравляю.

Записка: Как изменился мир на физическом уровне после восхождения Господня, восшествия Христа?

О. Георгий: Думаю, всем понятно, что имеется в виду Воскресение Христово, хотя, видите, оно так сложно здесь обозначено.

Что же изменилось? Оказалось, что физический мир может быть союзником Бога, оказалось, что он может быть одухотворен. Не молекулы и атомы изменились; оказалось, что свойства мира могут быть другими, но это отдельный большой разговор. Для того, чтобы полностью ответить на этот вопрос, надо говорить о знаменитом библейском повествовании о грехопадении, о том, что все подвержены последствиям грехопадения, что от этих последствий освобождает только Христос. Но это уже сложный, специальный разговор, видимо, не на сегодня.

Вы сказали: политика сложно, бизнес сложно, много сложностей в жизни. Скажите, а христианство – это сложно? (Смех в зале.) И еще один вопрос: скажите, в принципе, мне, по-Вашему, зачем христианство? (Смех в зале.)

О. Георгий: Спасибо. Знаете, даже если сегодня вопросов не будет, то этим вопросом и стоит заняться, я думаю, всем нам будет интересно. Сложно или не сложно христианство? Знаете, можно сказать и так, и этак. Можно сказать, что оно очень просто, потому что любовь – самое простое дело. Коли Господь свел всё к любви к Богу и ближнему, а мы с этим согласились, то значит, мы говорим, что христианство просто и доступно всем. И я глубоко уверен, что нет людей на земле, которые по месту рождения, по психологии, по национальности, по культуре, по социальному положению и по каким угодно иным обстоятельствам не могли бы быть христианами по призванию. Я готов обратиться с добрым словом, с Евангельским словом к любому человеку земли, каким бы он ни был, с надеждой на успех, а не просто чтобы выговориться и себя показать.

С другой стороны, есть то, что можно назвать трудными моментами, особенно вначале. Человек должен встать на путь, а потом он должен научиться по нему идти. В эти первые периоды духовной жизни, когда человек уже согласился сердце свое Богу отдать, нужно научиться по-другому жить. Ради этого мы устраиваем катехизационные встречи, и для этого же учим в нашем институте людей, потому что это не получается «просто изнутри». Кто-то сегодня говорил: «Давайте исполнять заповеди о любви, и все, больше нам ничего не нужно». Но мы уже сегодня говорили: не надо идеализма, ни у кого не получается, думаете, у вас получится? Не получится. Здесь нужны какие-то совместные действия, какой-то совместный опыт, здесь нужна живая среда. Это и называется Церковью. Потому что ни один человек, какую бы ответственность он сам на себя ни брал, никогда все вопросы правильно решить не сможет. Нужно действовать с Господом, а Господь там, где двое или трое собраны во имя Его, где есть церковное собрание. Это по поводу простоты и сложности. Не надо упрощать, но не надо и усложнять: «а это не мое, потому что слишком просто». Не спешите такие слова говорить. Это может плохо кончиться.

И второй вопрос: «Зачем нужно христианство?» А вот для этого. Разве Вы не хотите жить в любви? Так вот, именно для того, чтобы жить в любви, Вам и нужно христианство. (Аплодисменты.)

Фото: Сергей Калинин

Я возревновал о славе Отчей...

Начало на с. 1

Я не буду пересказывать даже кратко биографию Гумилёва, который не только основал одно из поэтических течений – акмеизм, но и успел за свою недолгую жизнь дважды побывать в труднодоступных областях Африки, воевал три года на фронтах Первой мировой... Вместо этого хочу закончить этот рассказ его автобиографическим стихотворением, написанным 95 лет назад – в апреле 1921 года, за несколько месяцев до ареста.

Память

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.

Память, ты рукою великании
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня.

Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак роц,
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом остававшийся дождь.

Дерево да рыжая собака –
Вот кого он взял себе в друзья,
Память, память, ты не сыщешь знака,
Не уверишь мир, что то был я.

И второй... Любил он ветер с юга,
В каждом шуме слышал звонны лир,
Говорил, что жизнь – его подруга,
Коврик под его ногами – мир.

Он совсем не нравился мне, это
Он хотел стать богом и царем,
Он повесил вывеску поэта
Над дверьми в мой молчаливый дом.

Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидовали облака.

Высока была его палатка,
Мулы были резвы и сильны,
Как вино, впивал он воздух сладкий
Белому неведомой страны.

Память, ты слабее год от году,
Тот ли это или кто другой
Променял веселую свободу
На священный долгожданный бой.

Знал он муки голода и жажды,
Сон тревожный, бесконечный путь,
Но святой Георгий тронул дважды
Пулю не тронутую грудь.

Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле,
Я возревновал о славе Отчей,
Как на небесах, и на земле.

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

И тогда повеет ветер странный –
И прольется с неба страшный свет,
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет.

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо; но все пойму,
Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.

Крикну я... но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела.

Материал подготовила Александра Колымагина